

A romantic couple, a man and a woman, are shown in profile, facing each other and smiling. The man is on the left, wearing a blue jacket, and the woman is on the right, wearing a white knitted scarf. They are standing outdoors at night, with a city street and buildings visible in the background. The scene is overlaid with a teal and blue gradient and a bokeh effect of light spots.

БИРЮЗОВАЯ ЗИМА

Карина Бартш

Сердце в твоих руках

Карина Бартш

Бирюзовая зима

«АСТ»

2011

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Бартш К.

Бирюзовая зима / К. Бартш — «АСТ», 2011 — (Сердце в твоих руках)

ISBN 978-5-17-101110-9

Романтическая история о любви. Эмили в растерянности — ее покинули и Элиас, и Лука. Пытаясь разобраться в том, что происходит, она совершает шокирующее открытие. *** Легче найти иголку в стоге сена, чем свою половинку, и многие соглашаются довольствоваться малым. Со временем они убеждают себя, что по-настоящему глубоких чувств просто не существует. Я не хотела нового счастья, я хотела вернуть старое. Элис красив и высокомерен. Лука загадочен. А Эмили предстоит принять важное решение — спасти новые хрупкие отношения или начать жизнь с чистого листа? Сколько еще тайн, секретов и недоразумений отделяет ее от настоящего счастья? Вишневое лето. Бирюзовая зима. Любовь в Берлине. Немецкий романтический бестселлер

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-101110-9

© Бартш К., 2011
© АСТ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	42
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Карина Бартш

Бирюзовая зима

Carina Bartsch

TÜRKISGRÜNER WINTER

Печатается с разрешения литературного агентства Erzähl Perspektive Literary Agency
M&K, Munich, Germany (www.erzaehlperspektive.de) при содействии Анны Обуховской

Copyright © 2011 Carina Bartsch

© Д. Андреева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Лекарство от грусти. Так же потрясающе, как мороженое со вкусом «Бейлис».

LiveLib

У меня темные волосы до лопаток, фигура, которую можно назвать неплохой, и карие глаза – во мне нет ничего, за что можно зацепиться взглядом. Не хочу сказать, что я уродина, – мне всегда нравилось мое лицо, но во мне нет ничего особенного. Я всего лишь одна из многих.

Глава 1

Инспектор Винтер

И вот уже неделю – ничего. Совсем ничего.

Никаких двусмысленных сообщений на телефоне, никаких ночных звонков, никаких «я нашел дурацкий повод к тебе заглянуть» – он и заходить-то никогда не заходил, – ничего!

Ну то есть ровным счетом ничего!

Трижды за эту неделю я ездила к Алекс – и дважды видела «Мустанг» перед подъездом. Очевидно, Элиас был дома. Но если вдруг вы подумаете, что он соизволил выйти и сказать «привет», то глубоко ошибаетесь. Слово мир стоял на пороге атомной войны, и Элиас окопался в своей комнате и даже носу оттуда не показывал. Как-то раз я нарочно засмеялась громче, чем нужно, – чтобы сообщить ему о своем присутствии. Бесполезно. Все последние месяцы он только и вился вокруг меня, а теперь – ничего!

Что же произошло? Элиас потерял ко мне интерес? Заметил, что я влюбилась в него, и решил, что цель наконец, достигнута? Глупо с его стороны: ведь он почти добился того, чего всегда хотел, – секса.

Теперьшний вираж просто не имел смысла.

Я уже отважилась поцеловать его в щеку, и вдруг он исчез без единого объяснения. Разве Элиас не должен, наоборот, торопить события изо всех сил?

Все эти вопросы не давали мне покоя с утра до ночи. Ни о чем другом я не могла и думать. Пятьдесят раз на дню я хваталась за телефон – и пятьдесят раз стирала уже набранный текст, который вот-вот собиралась отправить.

– Можно нам еще колы?! – крикнул посетитель. Я вздрогнула.

– Конечно, сейчас, – ответила я, стряхнула воду с рук и поставила только что помытый стакан возле раковины – пусть сохнет.

Николас нахмурился:

– М-м-м, разве на стакане не было надписи?

Я повнимательнее пригляделась к стакану и сглотнула. Похоже, я потеряла его немного сильнее, чем нужно, – потому что голова была занята Элиасом...

– Во всем виновата эта дешевая китайская краска, – сердито сказала я, избегая его взгляда, и занялась заказом.

Сегодня та самая хэллоуинская вечеринка, на которую меня приглашала Софи. Увы, никто из коллег не согласился поменяться со мной сменами, поэтому, вместо того чтобы вырядиться пострашнее и напиться в доску, я торчала в «Пурпурной дымке». Мы оказались одним из немногих заведений, в котором зал не был оформлен наподобие склепа, что явно сказывалось на числе посетителей. Сама по себе вечеринка меня не особенно интересовала, но необъяснимое молчание Элиаса все меняло. Ведь он наверняка там будет.

Единственным, кому до сих пор удавалось отвлекать меня от поведения мистера Идиота, был Лука. Но и он вот уже несколько дней как замолчал, бросив меня один на один со всеми горестями. Начиная с воскресенья сообщения от него становились все короче, а со вторника электронный ящик и вовсе пустовал. Стресс, куча дел, оправдывался он. Но можно ли ему верить? Раньше Лука всегда находил время написать мне.

Быть может, его спугнуло мое предложение встретиться? Во всяком случае, энтузиазма оно у него явно не вызвало: Лука только написал, что мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Но если проблема в этом, то почему не сказать прямо?

Я бросила тряпку в раковину. Господи, да что же с ними со всеми внезапно приключилось? Неужели они оба наконец-то поняли, что во мне нет ничего особенного? Но сейчас уже глупо делать такие выводы – глупее некуда, по совести говоря. Почему это не пришло им в голову пять месяцев назад?

Я шмыгнула носом.

– Эй, детка, – пропел хорошо знакомый голос.

Ева. И «детка», по счастью, относилось не ко мне – иначе бы у меня во рту сейчас оказался ее язык. Она обращалась к Николасу, чем обрадовала его гораздо больше, чем могла бы обрадовать меня.

– Я смотрю, здесь все тихо, – сказала Ева. Моя молитва была услышана: прилюдный обмен биологическими жидкостями прекратился.

– Ага, мы тут вроде как декорация, – отозвалась я.

Она села на высокий табурет напротив меня.

– Тогда почему бы тебе не пойти на вечеринку?

Я уже упоминала, что у Евы и Алекс есть нечто общее? А именно, одно и то же хобби: затаскивать Эмили куда-нибудь, куда Эмили совершенно не хочется.

– Я не могу бросить Николаса одного.

– Сколько еще длится твоя смена?

Я оглянулась на часы. 21:30.

– Еще два часа, а что?

– Два часа я здесь по-любому пробуду. Могу тебя подменить, – предложила она.

– Ты? Но ты же никогда не работала в баре, насколько я знаю.

– Ну и что? Невелика наука! Торчать за стойкой и хорошо выглядеть у меня всяко получится.

– В этом я не сомневаюсь. Очень мило с твоей стороны, Ева, но я даже не знаю, хочу ли на эту вечеринку.

Она вздохнула.

– Если бы все происходило только так, как тебе хочется, ты бы до сих пор не выбралась из мамкиного живота.

– И теперь, когда я знаю, что меня ожидало, можно смело сказать, что это было бы очень разумное решение!

Я вздернула подбородок, а она закатила глаза и бросила на меня свой обычный взгляд, словно говоривший: «Ну и что мне с тобой делать?» Терпеть не могу, когда она так на меня смотрит. Ничего, совершенно ничегошеньки не надо со мной делать.

– Не валяй дурака. На таких вечеринках пруд пруди горячих парней.

Ах, так их там пруд пруди? Я знала по крайней мере одного, и с меня довольно. Его-то я точно увижу, если пойду на вечеринку. Но хочу ли я этого? Глупый вопрос: разумеется, хочу. Гораздо более правильный вопрос – стоит ли?..

– Может быть, – откликнулась я. – Но даже если ты приведешь еще два десятка весомых аргументов, все упирается в одну проблему: у меня нет костюма.

– Ну и что? Ты же все равно не любишь костюмированные вечеринки.

– Разумеется, я не люблю, но я не хочу быть единственной, кто придет в чем попало.

– С каких это пор ты боишься выделиться из толпы? – Она засмеялась, покосившись на мою одежду.

– И все-таки, – смущенно пробормотала я. – Я не уверена, что это хорошая идея.

– Подумаешь об этом в спокойной обстановке, – вмешался Николас. – Пойдешь ты на вечеринку или нет – здесь ты все равно больше не нужна. Когда последние гости рассчитаются, я запру бар. Все равно сегодня уже никто не придет.

Я подумала о стопке книг, которая ждала меня дома.

– Ты уверен? – уточнила я.

– Уверен. Даже если что-то изменится, мое золотко будет на подхвате. Правда же? –

Он подмигнул Еве.

Я пожала плечами.

– Ну хорошо, раз так. За мной должок.

– Да ладно тебе, – отмахнулся он. – Хорошего вечера, Эмили.

Я поблагодарила Николаса и вытерла мокрые руки о фартук. Двадцать минут спустя я уже переступила порог своей комнаты, сняла с плеча сумку и, вытащив телефон, рухнула на кровать. Взгляд на экран принес лишь разочарование. Я со вздохом бросила аппарат на подушку.

Почему, будь все проклято, он не пишет? Случилось что-то, о чем я не знаю? Все это очень странно.

Интересно, что Элиас сейчас делает?

Наверно, обхаживает другую, гораздо более красивую женщину, с которой сможет провести ночь. Женщину, которая не будет вести себя так глупо, как я.

Я тихонько застонала, чувствуя себя ужасно несчастной.

Может, все-таки стоит пойти на вечеринку? Просто чтобы увидеть его? Тогда у меня будет возможность...

Нет! Я должна радоваться, что он не звонит и не пишет. В конце концов, именно этого я всегда и хотела. Я должна быть ему благодарна – косвенным образом он спасает мне жизнь. Так и никак иначе! Мое решение непоколебимо – я ни за что никуда не пойду!

А может, все-таки стоит?..

Нет! Точка. Конец. Хватит!

* * *

Десять минут спустя я рылась в шкафу в поисках шмоток, в которых не стыдно праздновать Хэллоуин. Я перевернула все вверх дном, но ничего подходящего так и не нашла. Пусть не настоящий костюм, но хоть какой-нибудь наряд, который мог бы за него сойти! Продолжая поиски, я докопалась до вещей, о которых давно забыла. Когда шкаф готов был вот-вот поглотить меня, я заметила под одной из стопок белую футболку. Вытащив ее на свет божий и развернув, я вспомнила, что не то три, не то четыре года назад мне ее подарила Алекс. Приталенный крой, круглый ворот, а на груди черные буквы, навевающие ассоциацию с фильмами ужасов: *Bite me*¹. Некоторое время я разглядывала футболку. Ничего более подходящего мне так и не попало – похоже, это лучшее, что может предложить мой шкаф для хэллоуинской вечеринки. Я кивнула самой себе, натянула футболку, а к ней надела темно-синие джинсы и белые кроссовки.

По правде говоря, собственное отражение в зеркале не очень часто меня удивляет – но тут был как раз такой случай: я выглядела еще глупее, чем ожидала. Увидел бы меня сейчас дизайнер – в гробу бы перевернулся. И что с того, подумала я. С какой стати меня должен волновать какой-то там дизайнер, который укокаинился до смерти? Я пожала плечами, заскочила в ванную, причесалась, глубоко вздохнула – и вышла из комнаты.

Вечеринка проходила на другом конце города, в доме родителей Софи. Ехать пришлось на трех разных автобусах, и дорога длилась целую вечность. Уже перевалило за одиннадцать, когда я наконец-то добралась до нужного места.

Перед большим освещенным домом с застекленной террасой тут и там толпились наряженные люди, изнутри доносилась оглушительная музыка. Фредди Крюгер, Майкл Майерс,

¹ Укуси меня (англ.) – Здесь и далее прим. переводчика.

Джейсон и маньяки с бензопилами – кого здесь только не было, и все эти личности были настроены куда добродушнее, чем в тех ужасиках, по которым я их знала.

И это, по мнению Софи, небольшая вечеринка? Я нахмурилась.

Никто не обращал на меня внимания. Я прошла мимо гостей, сжимая потные ладони в кулаки, и направилась к распахнутой двери. На пороге я столкнулась с молодой женщиной.

– Сорри, – пробормотала она.

– Ничего, – отозвалась я, хотя та отошла уже от меня и даже не обернулась.

Все мое тело было напряжено, но я целеустремленно пробиралась туда, откуда гремела музыка. С каждым шагом у меня крепло подозрение, что столкновение в дверях было лишь увертюрой действия, разворачивавшегося внутри. И я оказалась права: похоже, все боги собрались вместе и решили на один вечер разместить преисподнюю в доме Софи.

Я протиснулась мимо каких-то окровавленных субъектов и, оказавшись в гостиной, стала озираться в поисках Алекс. Но среди тех монстров, которые танцевали, стояли небольшими группками или пытались разговаривать, перекрикивая музыку, ее видно не было. Сделав шаг назад, я случайно толкнула под руку молодого человека, который из-за меня чуть не пролил пиво на футболку.

– Ох! – воскликнула я, ужасно смутившись. – Прошу прощения!

Он одарил меня странным взглядом, прежде чем повернуться обратно к своим друзьям. Чувствуя, как начинают гореть щеки, я прижалась к стене.

Это называется «минимизация вреда»: и для гостей, и для моей страховой компании лучше, чтобы я была окружена людьми только с одной стороны. На голову мне посыпалась искусственная паутина, которая тут же запуталась в волосах, так что мне пришлось мучительно вытаскивать по одной ниточке. Супер.

Несколько шагов – и я попала в следующую комнату – сверхъестественных размеров столовую. Гости здесь было ощутимо меньше и рассмотреть присутствующих оказалось проще. Мой взгляд скользил по лицам, но результат оставался тот же: я не знала здесь ни одного человека. Композиция Дэвида Дреймана «Покинутый» грохотала из колонок, и мрачная мелодия придавала inferнальной атмосфере еще больше жути.

Посреди столовой я остановилась и задалась было вопросом, не перепутала ли я номер дома, как вдруг мой взгляд зацепился за знакомое лицо.

Чуть поодаль стоял он. Стоял на пороге следующей комнаты, словно статуя, и смотрел на меня. Он заметил меня раньше, чем я его.

Я почувствовала, как побежала кровь по жилам, и услышала, как забилося сердце.

Элиас.

Он был бледен. Под глазами залегли тени, от которых у меня по коже поползли мурашки. Я перевела взгляд ниже, на потертые джинсы, перехваченные черным ремнем. Его стройный торс обтягивала черная футболка, с которой на меня скалилась вампирша.

Довершал наряд приталенный темный плащ, доходивший до колен. Он был распахнут.

До меня вдруг дошло, что я стою с раскрытым ртом. Я поскорее закрыла его и снова посмотрела Элиасу в лицо: его взгляд был устремлен на мою футболку, и в глазах я заметила непостижимый блеск. Он немного наклонил голову, оглядел меня снизу вверх и приподнял уголок рта – та самая кривая усмешка, которая ночами не давала мне уснуть. Усмешка становилась все шире и шире, и вот из-под губы блеснул острый белый клык. Подтверждались мои худшие подозрения.

Вампир. Элиас вырядился вампиром.

Слова, напечатанные на моей футболке, жгли кожу, и я чувствовала, как огонь поднимается оттуда к щекам.

Элиас взглянул мне в глаза, и впервые у меня возникло чувство, будто я могу читать его мысли. Толпа вокруг нас с каждой секундой отходила все дальше на второй план, шум утихал – и вот мы с Элиасом остались, казалось, единственными гостями на вечеринке.

В этот миг я точно поняла, что Элиас нынче вечером не преминет последовать призыву на моей футболке. И не менее ясно осознала, что противиться не стану.

Я считала секунды в ожидании, что он вот-вот оторвется от дверного косяка и направится ко мне. Но он стоял на месте. И даже не шевелился.

Наконец Элиас отвел глаза и потупился. Долго смотрел в пол. Потом поднял руку, махнул мне, и прежде чем я успела нахмуриться, развернулся и скрылся в толпе.

Я словно приросла к полу и ошарашенно глядела ему вслед. Что это было? Почему он ушел? Меня будто огрели по голове здоровенной доской. Я уже ничего не понимала.

– Эмили? – раздался рядом знакомый голос.

Я моргнула и обернулась. Передо мной стояла Алекс. В белом платье, которое едва доходило до середины бедра, и с двумя крылышками из пушистых перьев за спиной. Над головой у нее красовался нимб, который при каждом ее движении качался туда-сюда.

– Я думала, ты занята на работе, – произнесла она. Ответ, похоже, не очень ее интересовал, потому что, не дождавшись его, подруга бросилась мне на шею и сдавила меня в объятиях. – Как здорово, что ты все-таки пришла!

Я кивнула, а за ее спиной тем временем возник и Себастьян.

– Привет, – сказал он. Задержал взгляд на моей футболке и ухмыльнулся.

– Что такое? – спросила я.

– Ничего, ничего, – пробормотал Себастьян. – Вот увидишь Элиаса – поймешь.

– Уже видела.

– Так вы уже встретились? – удивился он. – А где же в таком случае следы от укусов?

Я заставила себя улыбнуться.

– Нигде, – ответила я. – Элиас спасовал.

Себастьян посмотрел на меня так, будто не верил своим ушам.

– Что-что? Элиас спасовал? – он засмеялся. – Да быть того не может!

– Тем не менее очень на то похоже. Он не пишет и не звонит, а теперь... теперь просто сбежал.

Себастьян склонил голову набок.

– Мы точно говорим об одном и том же человеке?

Я кивнула.

– Он сбежал от тебя? Ума не приложу, с чего бы это. На прошлой неделе, правда, я его почти не видел, но после кемпинга все было по-старому. – Себастьян пожал плечами. – Впрочем, какая бы муха его ни укусила, Эмили, не торопись радоваться. Элиас совершенно точно не может просто так спасовать.

– Я тоже так думаю. Его просто ужасно забавляет злить тебя, – согласилась Алекс. – Но раз ты уже видела Элиаса, что скажешь о его костюме? – Она перекаtilась с пятки на носок и обратно.

– А, так это твоя затея?

– Себастьян, этот старый зануда, – пустилась в объяснения подруга, бросая на своего кавалера косой взгляд, – вообще не хотел наряжаться. Пришлось заняться Элиасом. Ну скажи, как он тебе? Великолепный вампир, правда? Я бы дала себя укусить. – Она хихикнула.

Великолепный вампир... Лучше не скажешь. Бедолага Эдвард Каллен нервно курит в сторонке.

– Сколько же валиума понадобилось ему дать, чтобы он вынес эту процедуру?

Алекс усмехнулась.

– Капсулы три-четыре. Но хватит тянуть, отвечай уже!

Я вздохнула:

– Великолепный вампир.

– Я знала, я знала! – Она хлопнула в ладоши, и нимб у нее на голове затрясся. – Я самый талантливый дизайнер, какого только видел мир!

Я закатила глаза:

– Ага, вроде того.

Алекс то ли не услышала, то ли предпочла не услышать.

– Ну что, поищем остальных? – спросил Себастьян. – Энди помрет со смеху, когда увидит твою футболку.

Да уж, если кому наши с Элиасом наряды и покажутся смешными, так в первую очередь Энди. Но почему все помирают со смеху, только Элиас – нет? Я опустила голову и представила себе, как надо мной будут потешаться. Спасибо, судьба, от всей души спасибо.

Мы прошли еще через одну комнату, и, как Себастьян и предвидел, Энди стоило больших усилий подавить хохот, так и рвавшийся из его груди. Застонав, я встала в сторонке и, безучастно озираясь, безо всякого интереса слушала общий разговор. Оживилась я только через некоторое время – когда увидела, что в комнату входит Элиас. Остановившись в паре метров от нас, он поздоровался с каким-то знакомым и заговорил с ним. Похоже, он даже не собирался подходить к нам, и это притом что он меня точно видел.

Я стиснула зубы. С отчаяния я уже готова была подойти к нему сама и заговорить первой. Что он о себе думает? Сначала месяцами сводит меня с ума, а теперь ни с того ни с сего перестает обращать на меня внимание?

Неслыханная наглость.

– Где здесь можно выпить? – повернулась я к Энди.

– На кухне. Отсюда прямо и направо.

– Спасибо, – отозвалась я, развернулась и немедленно отправилась на поиски.

Правда, кухни в общепринятом смысле слова я не нашла – скорее это напоминало винно-водочный магазин с плитой, раковиной и холодильником. Я глазам своим не верила. Алкогольных напитков там было чуть ли не вдвое больше, чем в обычном баре.

Я тронула за плечо заслонявшего дорогу парня:

– Можно?

Он отступил на шаг, пропуская меня к картонным стаканчикам.

– Спасибо, – поблагодарила я, схватила один и призадумалась: чем же его наполнить? На глаза мне попала бутылка водки – и решение было принято. Я плеснула в стаканчик приличную порцию и добавила вишневого сока. Пригубив получившуюся смесь, я немножко подумала и подлила еще водки.

Благодаря огромному росту Энди мне не составило труда вновь разыскать всю честную компанию, и едва я присоединилась к ним, взгляд мой тут же устремился туда, где я в последний раз видела Элиаса. Но его там больше не было. Я осмотрелась и, к собственному изумлению, обнаружила его поблизости: он стоял рядом с Софи. Сделав большой глоток из стаканчика, я деликатно откашлялась, таким образом сообщая Энди о своем возвращении.

– А, Эмили, – сказал он, – вот и ты!

Когда прозвучало мое имя, Элиас на долю секунды повернул голову в мою сторону – и тут же вновь воззрился на Софи. Я почувствовала, что закипаю.

Энди, на лице которого играла широкая ухмылка, приобнял меня за плечи и потянул за собой.

– Ну, Элиас? Что скажешь о прикиде Эмили?

Да, черт бы тебя побрал, что ты скажешь о моем прикиде?

Но вопрос испарился так же стремительно, как и пришел мне в голову. А все из-за того, как Элиас на меня посмотрел. Совсем иначе, чем прежде. В его глазах не было блеска,

не было того дерзкого огонька, который всегда словно освещал их. Они были блеклые, как выцветшая фотография.

– Что тут скажешь... – пробормотал Элиас и пожал плечами. – Она прекрасно выглядит. Как всегда.

У меня свело живот. Как часто я слышала от него эти слова. Но в этот раз они прозвучали, словно он говорил о человеке, с которым его связывали лишь далекие воспоминания.

– А теперь прошу меня извинить, – продолжил он. – Я тут внизу видел старого приятеля.

Едва договорив фразу, Элиас повернулся к нам спиной и исчез. Я словно приросла к месту и только таращилась ему вслед.

– У вас супружеская размолвка? – спросил Энди после короткой паузы:

– Без понятия, – не сразу, ответила я. – Может быть, он заделался вегетарианцем.

* * *

Даже после двух стаканов вишнево-водочной смеси настроение оставалось на нуле. Я могла бы махнуть на все рукой и больше не думать об Элиасе. Но всякий раз, когда эта здравая мысль приходила мне в голову, в животе начинал тренировку маленький каратист. Этого идиота-каратиста я ненавидела. Он был упрям и в высшей степени неблагоприятен. Да, неблагоприятен – так я это формулировала, однако его это нимало не интересовало, так как он обладал еще и третьим свойством: был тупее осла. И в сочетании с алкоголем он пробуждал во мне то, чего на самом деле вовсе не существовало: смелость.

Опрокинув в себя остатки коктейля, я вновь стала искать удобного случая поговорить с Элиасом. Извинившись перед друзьями, я отправилась на кухню. Но сколько бы я по пути ни вглядывалась в окружающих – а я, черт возьми, вглядывалась гораздо больше, чем надо бы! – его нигде не было видно.

Добравшись до кухни, я снова наполнила стаканчик и сразу сделала здоровый глоток. Может, и правда пора с этим покончить? Каратист отвесил мне внушительный пинок. Я решила будто невзначай предпринять небольшой рейд по дому.

Гости по-прежнему веселились напропалую. Единственное, что изменилось, – они, по всей видимости, все меньше и меньше чего бы то ни было стеснялись. Так, например, мне пришлось протискиваться мимо беглого заключенного, который шарил под юбкой медсестры. Я себе несколько иначе представляла личный досмотр в местах не столь отдаленных. Словосочетание «личный досмотр» напомнило мне об умелых руках, которые блуждали некогда по моему телу, и вновь вернуло меня к мыслям об Элиасе. Да где же он, в самом-то деле? Я снова прошлась по всем комнатам, но, увы, с тем же результатом: Элиаса и след простыл.

Если бы это не граничило с паранойей, можно было бы предположить, что Элиас нарочно старается, чтобы я его не нашла. Или он, чего доброго, уже уехал домой?..

Тихо и недовольно ворча себе под нос, я стала пробираться обратно – в последней надежде, что Элиас успел вернуться к друзьям. Проходя мимо кухни и бросив туда беглый взгляд, я содрогнулась. Элиас. Стоял там как ни в чем не бывало. Привалившись к стене у холодильника, болтал с какой-то брюнеткой.

Глаза мои стали размером с мячи для гольфа, я заторопилась дальше и остановилась, только когда дверь осталась позади. Со спины девушка походила на Джессику, но я не была уверена, что это она. Заглянув в стаканчик, который был еще наполовину полон, я немножко потрясла его, взболтав содержимое. Поразмыслив, выплеснула все в цветочную кадку, повернулась кругом и направилась на кухню.

Я была настроена действовать самым решительным образом – пока не переступила порог и не увидела его. Я тут же опустила голову, сделала вид, будто его не замечаю, и прошагала напрямик к бутылкам на другом конце комнаты. Повернувшись к Элиасу спиной, я стала на чем свет стоит клясть свою девчачью трусость.

«Дыши глубже», – сказала я себе и попыталась успокоиться. Девушка и впрямь оказалась Джессикой. В этом отношении тревожиться было не о чем. Но видел ли Элиас меня вообще? По идее, должен был, ведь я прошла у него под носом.

Я все торчала у стойки и разглядывала всевозможные бутылки, словно не могла решить, что бы мне выпить. На самом деле я тянула время. Время, которым он мог бы воспользоваться, чтобы подойти ко мне.

Я промаялась минут пять, но Элиас так и не подошел. Ну почему, будь все в сотый раз проклято, он не подходит?..

В расстроенных чувствах я схватила бутылку водки, намереваясь хранить верность главному коктейлю сегодняшнего вечера. Я сделала небольшой глоток, но мой рассудок, беспрестанно твердивший, как смехотворно мое поведение, постепенно отвоевывал позиции. Нужно просто заговорить с ним и узнать наконец, в чем проблема. Точно! С каменным выражением лица я обернулась – около холодильника никого не было.

Элиас ушел. Как и Джессика.

Рот у меня распахнулся. Я переставала верить в случайности.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы найти дорогу назад в гостиную. Присоединившись к остальным, я избрала белый картонный стаканчик своим новым наперсником.

Это сработало. Моя смелость, которая взяла было тайм-аут и носилась по Берлину в чем мать родила, надев детские нарукавнички для плавания и попискивая надувной уточкой, постепенно возвращалась. Я наблюдала за дверью в коридор, словно гепард в засаде, и выжидала подходящего момента. На этот раз я с ним заговорю. На этот раз, черт побери, я точно с ним заговорю!

* * *

Времени прошло немало, но мое ожидание было вознаграждено. Элиас мелькнул в толпе. Я сделала глубокий вдох, сжала руки в кулаки и пошла за ним. Но легче сказать, чем сделать: сперва нужно было найти Элиаса в этой сутолоке. Впрочем, это оказалось не слишком трудно: шевелюра цвета корицы выдала его. Не выпуская цель из поля зрения, я постепенно сокращала разделявшее нас расстояние. Оставалось два-три шага, когда справа вынырнул темноволосый мужик, перехватил Элиаса и радостно хлопнул по плечу.

– Ну, Шварц? Где ты оставил свой бирбонг²?

– Очень смешно, – донесся его ответ, а я замерла, вытаращив глаза. Элиас стал было поворачивать голову в мою сторону, и тут я стремительно опустила взгляд и, словно сумасшедшая, ринулась прочь.

Дура. Трусиха. Эмили! Я остановилась, три раза дала сама себе пинка под зад и постаралась поскорее убраться.

² Бирбонг – устройство для сверхбыстрого питья пива в виде длинного шланга с воронкой на одном конце и клапаном на другом.

* * *

Час спустя я уныло подпирала стенку в коридоре. Уже четыре раза я обошла весь дом, следуя за Элиасом по пятам, будто какой-то чертов Коломбо. Четыре раза! Я была настолько вне себя, что соображала уже довольно смутно.

В двух из четырех случаев, что я следила за ним, он внезапно исчезал, будто в воздухе растворялся. Дом, конечно, был огромным, но все-таки не настолько. Для меня оставалось загадкой, как ему это удается.

Во время последней вылазки я подобралась к Элиасу так близко, как не подбиралась еще ни разу за целый вечер. Стоило протянуть руку – и я коснулась бы его; запах его одеколona окутывал меня. Моя голова работала изо всех сил в поисках слов, которыми я могла бы его окликнуть. Но в итоге голова бросила меня на произвол судьбы, и я так и не посмела сделать последний шаг, отделявший меня от него.

Вдруг ни с того ни с сего Элиас остановился и повернулся ко мне. Воззрился на меня, и я, будто рыба, молча вытаращилась на него в ответ. Прошло несколько секунд – я опустила голову и не глядя в его сторону рванула на кухню.

Хэллоуинская вечеринка определенно достойна отдельной главы мемуаров, так как в этот вечер я испытала ненависть к самой себе в невиданных доселе масштабах.

Надежда на то, что Элиас не замечает моих преследований, давно уже умерла. Не в последнюю очередь потому, что для человека настолько неуклюжего, как я, незаметная слежка – задача из разряда невыполнимых. Неизвестно, по какой причине, но совершенно точно я навлекла на себя ненависть мстительного народца – цветочных горшков. Эти гады то и дело попадались на моем пути. Именно им я обязана тем, что чуть не разбила нос на глазах у всей чертовой толпы. Грохот привлек и внимание Элиаса. Успел ли он меня увидеть, не знаю, поскольку я пустилась наутек так быстро, как никогда в жизни.

– Это ты мне?

Я подняла голову и взглянула в лицо рыжеволосому молодому человеку.

Я бы не дала ему больше шестнадцати-семнадцати лет. Разве он не должен в такое время быть в постели?

– Прости? Что?

– Твоя футболка, – ответил он и указал на надпись.

Я закатила глаза. Проклятая футболка. «Укуси меня». Нет, дружок, это точно не тебе.

– Да вообще-то нет, – пробормотала я и посмотрела в сторону, дабы не потерять из виду Элиаса.

– Тебе, наверняка, весь вечер покоя не дают?

С пивом в руке, улыбаясь во весь рот, он прислонился к стене возле меня.

Я вздохнула. Ну почему всегда не те?..

– Нет, поздравляю, ты первый, – отозвалась я, стараясь, чтобы мой ответ звучал хотя бы вполтину не так грубо, как задумывался. В конце концов, парнишка не виноват, что у меня настроение ниже плинтуса.

– Серьезно? – удивился он. – Даже не верится. Наверно, остальные трусят спросить тебя об этом.

О-о, так я беседую с мистером Смелычаком, кто бы мог подумать.

Я подавила зевоту и хотела было буркнуть раздраженно: «Наверняка», – как вдруг Элиас появился в холле и направился прямо ко мне. Хотя... Похоже было, что он опять собирается пройти мимо.

Не дыша, я настороженно посмотрела на него. К моему изумлению, он не отвел взгляд. Бирюзовые глаза...

Пожалуйста, остановись! Пожалуйста, остановись!

Но он и не подумал уступить моей безмолвной мольбе. Перевел взгляд с меня на моего несовершеннолетнего нового знакомого, оглядел его – и в следующее мгновение уже прошел мимо.

Ошарашенная его неожиданным появлением и тем фактом, что опять застыла как вкопанная, я несколько секунд смотрела ему вслед. Затем отхлебнула еще вишнево-водочной смеси, стиснула стаканчик в кулаке и решила: сейчас или никогда!

– Сорри, отлично поболтали, но мне пора! – бросила я своему смелому собеседнику, развернулась и, не сказав больше ни слова, продолжила преследование.

Чтобы не выпускать Элиаса из виду, требовалось перемещаться в определенном темпе, что в моем не слишком трезвом состоянии, в свою очередь, требовало определенной концентрации. Это оказалось довольно тяжело, но усилия себя оправдали. Без всяких эксцессов мне удавалось подобраться к нему все ближе и ближе. Уж в этот-то раз я с ним заговорю. И будь что будет! В этот вечер я уже достаточно опозорилась. Да о чем я – в этот вечер? До конца жизни позору хватит!

Как называют людей вроде меня? Сталкеры? Да, думаю, это подходящее слово. Боже, я и Элиас похожи гораздо больше, чем я долгое время считала. Мы почти что можем основать собственную террористическую организацию. «Элиас, – твердила я себе, – я просто позову: “Элиас”, – тогда он остановится, и мы поговорим. Точно».

В теории все было хорошо. А вот на практике дело стопорилось.

Ну всё, сказала я себе и сделала решительный вдох. Но едва я открыла рот, чтобы наконец-то окликнуть его по имени, как Элиас свернул в какую-то комнату и закрыл за собой дверь. Буква «Э» повисла в воздухе, и я захлопнула рот. Пройдя еще пару шагов, я остановилась у порога. В глаза бросилась табличка. «Туалет для гостей».

Я почувствовала, как каменеет лицо.

Я преследовала Элиаса по пути в туалет. Я. Преследовала. Элиаса. По. Пути. В. Туалет. Господи, да никакой я не сталкер – просто чокнутая психопатка!

Ураганом я бросилась в гостиную, отчаянно надеясь, нет, молясь, чтобы Элиас этого не видел.

В расстроенных чувствах я торчала в гостиной, пока со мной не заговорила Алекс. Ее жалобный монолог о туфлях, ради которых она уже не первую неделю обшаривает все обувные Берлина, я слушала вполуха.

– Знаешь, про любые другие туфли я бы сказала: ладно, нет так нет. Но не про эти. Они такие красивые, Эмили, ты знаешь, какие они красивые?

Я покачала головой.

– Они светло-розовые с черным, а сзади, на пятке, такой вот бантик. Самый чудесный бантик, какой я только видела. А спереди, на мыске, там...

Дальше я не слушала. В комнате появился Элиас. Он прошел в паре метров от нас и остановился у противоположной стены, рядом со стереосистемой. Привалившись спиной к стене, он стал наблюдать за танцующими чудищами.

На протяжении десяти минут я украдкой то и дело косилась на него. Несколько раз он, увы, заметил мой взгляд. Внутри у меня все тряслось, как нимб Алекс, который по-прежнему покачивался туда-сюда.

Подойти к нему? Но, стоя рядом со стереосистемой, не очень-то поговоришь.

Нет, умнее дождаться подходящего момента. Но как решить, какой момент подходящий? Я понятия не имела, однако мне было ясно, что я догадалась об этом, как только он наступит. Так и произошло. Через какое-то время Элиас отделился от стены и направился к выходу на террасу. Снаружи, судя по всему, никого не было – только темнота. Элиас нырнул в нее и исчез из виду.

Это будет самая распоследняя попытка. Сделав солидный глоток водочной смеси, я сунула стаканчик Алекс.

– Извини, мне нужно на свежий воздух, – сказала я.

Она оглядела меня.

– Плохо себя чувствуешь?

Сумасшествие – это плохое самочувствие? Наверно, да.

– Не волнуйся, – ответила я. – Я немножко переборщила с выпивкой, а в доме так душно.

– Окей, – кувнула она и пожала плечами, – тогда я поищу Себастьяна.

Я проводила подругу взглядом, а когда она вышла из комнаты, закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Если и сейчас ничего не получится, я поеду домой и наконец выброшу Элиаса из головы. Я решительно кивнула своим мыслям, сделала глубокий вдох и направилась на террасу. Едва я переступила порог, навстречу повеял прохладный ветерок. Потирая плечи и озираясь, я осторожно двинулась вперед. Шум постепенно затихал по мере того, как я уходила в дальний угол террасы. Элиаса и след простыл.

Может, он пошел в сад? Я помедлила на лестнице, которая вела вниз, и попыталась разглядеть во мраке хоть что-нибудь. Света, который исходил из дома, хватало ровно на то, чтобы немного рассеять темноту на террасе. Я еще крепче обхватила себя руками. Куда, черт возьми, он делся? В конце концов, ведь не может же человек просто так испариться...

– Зачем ты бегаешь за мной?

Схватившись за сердце, я испустила истошный вопль и оглянулась.

Элиас стоял, привалившись плечом к стене дома, у самой двери на террасу, и с интересом смотрел на меня. Черт возьми, как я умудрилась его не заметить?

– Я? – спросила я, гордо выпрямляясь. – Да как... как... как тебе в голову могло прийти, будто я бегаю за тобой?

Супер, Эмили, испорти все окончательно – отличная идея!

– Эмили, – проговорил он спокойно, – ты некоторое время назад даже в туалет меня проводила.

Проклятье! Я почувствовала, как краснею, больше всего на свете мне хотелось сейчас же раствориться в воздухе и провалиться сквозь землю.

– Ладно... Возможно, я немножко бегала за тобой... некоторое время назад, – призналась я.

– Немножко? – Он поднял брови. – Да ты весь вечер ходишь за мной по пятам.

Завороженная его бархатным и в то же время грубоватым голосом, я не сразу взяла в толк, что он заметил мои преследования. Ладони у меня взмокли.

– Так зачем ты это делаешь? – с интересом спросил он.

Возможно, дело было в алкоголе, возможно, в отчаянии, которое накопилось за неделю, – не знаю, но меня наконец прорвало...

– Послушай, Элиас, я просто не понимаю, что происходит! Три раза на этой неделе я была у Алекс, и по крайней мере два раза из трех ты был дома. Где ты прятался? В своей комнате! В своей комнате, Элиас! И никакого «Ой, что-то мне захотелось попить, а вот и Эмили с Алекс сидят в гостиной, почему бы мне не поболтать с ними» – нет! Ты и носу не высунул! Но это далеко еще не всё! – кипятилась я. – Уже много месяцев ты каждый божий день шлешь мне эсэмэски или одолеваешь нахальными звонками. Но за эту неделю – ничего! Вообще ничего! – Я развела руками. – А сегодня? Что это было? Элиас, ты оделся вампиром, я стою перед тобой в идиотской футболке, на которой написано *Bite Me*! Ты понимаешь? Ты – вампир, а я – *Bite Me*! – Я несколько раз провела пальцем по надписи на моей груди. – Никогда не поверю, что тебе в голову не пришло в ту же секунду стопятьсот дурацких ехид-

ных шуточек! Или мое горло слишком пестрит следами от укусов? Элиас, – отчаянно воззвала я, – если ты подсел на наркотики, мы найдем выход!

Он смотрел на меня с печальной улыбкой, которая приводила меня только в большее бешенство.

– Эмили, – проговорил он наконец, – а тебе не приходило в голову, что я жду, чтобы ты мне написала или позвонила?

Внезапно наступил тот знакомый многим момент, когда ветер внезапно уходит из парусов. Недоставало только пароходного гудка вдалеке. Я молча тарацилась на него.

– Боже, Эмили, – продолжал он, – мне просто не хотелось действовать тебе на нервы.

Я скроила скептическую гримасу, и даже он сам, казалось, осознал, как смешно прозвучали эти слова.

– Ладно, ладно, конечно, мне хочется действовать тебе на нервы, – согласился он. – Но не всерьез...

Элиас говорил загадками.

– Могу я поинтересоваться, с чего вдруг такая перемена? То есть еще в выходные, в кемпинге, ты не упускал возможности позлить меня, и внезапно на ровном месте, после пяти месяцев, ты решаешь больше не действовать мне на нервы? Может, я что-то упустила?

Элиас вздохнул и бросил быстрый взгляд на мыски своих ботинок, прежде чем ответить.

– Знаешь, – тихо проговорил он, – мне было очень хорошо в кемпинге. Но стоит мне подумать о том, что тебе там было плохо, у меня все внутри переворачивается.

Я нахмурилась.

– Но с чего... с чего ты взял, что мне там было плохо?

Я слышала, как он выдохнул. Элиас то поднимал взгляд, то в смятении отводил от меня глаза.

– Мне так показалось, – наконец выговорил он и пожал плечами.

Да что же произошло? Я-то думала, стоит мне с ним поговорить, все прояснится – но то, что я слышала, приводило только к новым вопросам. Бессмыслица какая-то.

– Скажи мне, Элиас, – проговорила я, – это какая-то новая уловка?

Элиас внимательно посмотрел на меня, словно хотел убедиться, что я действительно имела в виду то, что сказала. Выражение моего лица ответило «да» на его безмолвный вопрос, и он презрительно фыркнул.

– Ладно, забудь, – бросил он и отделился от стены, намереваясь вернуться в дом.

А мне что, оставаться здесь? С тысячей вопросов? Об этом он не подумал?

– Да постой, черт возьми!

Я рванулась за ним и крепко схватила за руку. Элиас остановился, посмотрел на мои пальцы, вцепившиеся в его локоть, и медленно перевел взгляд на мое лицо.

– В кемпинге было не так уж плохо, – сказала я и ослабила хватку.

– Не так уж? – В его голосе прозвучали возмущенные нотки.

– Вовсе нет! Как тебе это в голову взбрело? Я не имела ни малейшего понятия о том, что с тобой происходит! Но этот новый Элиас меня пугает, – сказала я и провела рукой по волосам. – Ты можешь... можешь... не можешь ли ты... не можешь ли ты просто стать снова прежним?

Неужели я правда это сказала?

О господи, судя по недоверчивой физиономии Элиаса – правда сказала.

О нет...

Мне снова хотелось раствориться в воздухе.

Три, два, один. ДАВАЙ!

.....

Проклятье!

Элиас слегка наклонил голову и вздернул брови.

– Ты сказала, мне лучше стать прежним?

– Я? – Истерически засмеявшись, я покачала головой. – Нет, конечно, нет. Ты меня не так понял! Я... я сказала, завтра день будет *снежным*!

Глаза Элиаса засверкали, а губы изогнулись в до боли знакомой вызывающей усмешке.

О да, вот и он! Плохо дело. Совсем плохо... Люди, помогите...

– Знаешь, если подумать хорошенько, – сказал он и угрожающе надвинулся на меня, – я предпочел бы вернуться к твоей футболке.

Я замотала головой и сделала шаг назад, но Элиас продолжал наступать на меня.

– Хватит! – воскликнула я, когда моя спина коснулась стены. Он подходил все ближе и ближе. Животом он прижался к моему животу и наклонился ко мне. Моя грудь вздымалась часто-часто. В голове всплыли слова «безопасное расстояние», но меня словно парализовало, я не могла пошевелиться. Смотрела не отрываясь в такие близкие бирюзовые глаза, под которыми он намалевал себе глубокие тени, и чувствовала, что сердце с каждой секундой бьется все быстрее. Приподняв уголок губ, он медленно провел пальцами по моей руке. У меня по спине побежали мурашки. Элиас был так близко, что я слышала его запах.

Неотрывно глядя мне в глаза, он коснулся моего запястья, стиснул его и поднес к своему лицу.

Защищайся, Эмили, защищайся!

Но моя рука безвольно поддалась. Он нежно потерся носом об артерию, понюхал ее, словно и вправду был вампиром. С улыбкой коснулся запястья губами. Губы у него были такие мягкие, что в голове у меня зашумело.

Что же он делает со мной?

Я умоляюще смотрела на Элиаса, истово желая, чтобы все это прекратилось. Но он лишь улыбнулся, не сводя с меня взгляда, в котором я тонула безо всякой надежды на спасение.

– Хватит, – пролепетала я.

– Звучит не очень убедительно, – выдохнул он, взял мою руку и пристроил себе на затылок, придерживая своей рукой. Держал он не очень крепко, я в любой момент могла вырвать руку, но почему-то этого не делала. Я все еще не могла пошевелиться, а он тем временем убрал прядь с моего лица и отвел волосы в сторону, освобождая шею.

Хватит, сию секунду хватит!

Элиас коснулся моей щеки холодными пальцами, и они заскользили вниз. Он не сводил с них взгляда. Они пробежали по подбородку, проползли по шее. Один палец нырнул за ворот футболки и стал спускаться все ниже и ниже... Я глубоко дышала.

– Готова разделить со мной вечность? – шепнул Элиас, наклоняясь к моему уху и еще сильнее прижимаясь ко мне. Ответ застрял у меня в горле, я издала только нечленораздельный писк.

– Будем считать, что ты ответила «да», – сказал он с улыбкой и приник к моей шее. От знакомого запаха, который я слышала все отчетливее, мир поплыл у меня перед глазами. Я вздрогнула, когда губы коснулись моего горла и начали покрывать его быстрыми поцелуями. Свободной рукой я тщетно искала, за что бы ухватиться – но ухватиться было не за что. Если бы у меня за спиной не было стены, я бы давно упала навзничь.

Он оттянул ворот футболки еще на пару сантиметров, добрался губами до ключиц. Моя кожа горела под поцелуями, а от его теплого дыхания пробирал озноб. Колени у меня подкашивались. Когда его губы коснулись сонной артерии, у меня вырвался тихий вздох. Рефлекторно я вытянула шею, давая ему больше пространства для ласк. Я чувствовала его

торопливое, горячее дыхание, чувствовала, как его губы скользят по моей коже, чувствовала, как он мгновение помедлил, задержавшись на сонной артерии.

Ощущал ли он, как колотится мое сердце?

Пальцы гладили сзади мою шею, лишая меня воли, и вдруг я почувствовала, как острые зубы нежно впились в горло. Я издала хрипый вскрик, за который готова была себя убить.

Он продолжал целовать меня, его губы вновь стали подниматься по моей шее вверх. Когда он добрался до ямочки под подбородком, я закинула голову и уперлась затылком в стену. Мои пальцы перебирали его шелковистые волосы, зарывались в них. Его губы достигли моего подбородка и заскользили дальше, подбираясь к моим губам.

О господи, он хочет меня поцеловать?

Я этого не допущу...

Ни в коем случае не допущу...

Вот сейчас. Сейчас я возьму и...

Неприменно...

Сейчас же...

Что я там сейчас возьму и сделаю? Ах да, поцелую его...

Да, точно, сейчас же возьму и поцелую...

У самого моего рта, когда я уже почти ощущала на губах его губы, поцелуи вдруг прекратились. Он уперся своим лбом в мой и заглянул мне в глаза. Я смотрела на него и ощущала, как он прижимается ко мне все сильнее, как меня обволакивает его тепло.

– Почему ты не сопротивляешься? – прошептал он. Его дыхание коснулось моих полуоткрытых губ.

– Алкоголь, – пискнула я.

Элиас улыбнулся краешком губ, и его пальцы снова коснулись моей сонной артерии. Мне стало щекотно.

– А почему у тебя сердце колотится так же бешено, как у меня?

Считать пульс – ну что за пошлость?..

– Высокое давление, – осипшим голосом ответила я, отчего его усмешка стала еще лукавей.

– Я так по тебе скучал, мой ангел, – сказал он. Тыльной стороной руки он провел по моей шее. Я задрожала, когда она скользнула вдоль груди и поползла вниз. Ощущение было невыносимое, внизу живота разлилось тепло и забегали мурашки. Добравшись до бедра, он остановился и взял меня за руку, которой я все еще цеплялась за стену дома. Я легко поддавалась, а он потянул мою руку себе под плащ и положил на бедро. В первый раз я действительно дотронулась до него. Чувствовала его под ладонью. Его. Его тело.

Другой рукой Элиас обхватил мое бедро и прижал ближе к своему. Я хватала ртом воздух. «Поцелуй меня», – единственная мысль носилась в моей голове. Сейчас. Здесь. Навсегда.

– Эмили... я... – проговорил он. Его губы мягко коснулись моей верхней губы. Я закрыла глаза.

– Тебе стало лучше, Эми?..

Мы разом подняли головы. Как раз вовремя, чтобы увидеть потрясенное лицо Алекс, которая воскликнула:

– Что, черт возьми?!..

Она стояла с раскрытым ртом и тараторила на нас.

Ее пронзительный вопль заставил и меня задаться вопросом, который я загнала глубоко в подсознание: что, черт возьми, я тут делаю? Ошарашенно посмотрев на Элиаса, я осознала, что чуть не поцеловалась с ним. Глаза мои широко раскрылись, и колдовские чары, все еще витавшие вокруг, вмиг рассеялись. Я отстранила его руку, буквально вырвалась из

его объятий, пронеслась мимо Алекс и ворвалась в гостиную. Как же это получилось? Мы едва не поцеловались! И кто знает, что бы мы еще натворили! Не говоря уж о том, что он исцеловал всю мою шею...

О господи ты боже мой!

Нужно срочно глотнуть шнапсу... И, пожалуй, неплохо было бы сменить белье...

Я устремилась напрямик на кухню, расталкивая людей – теперь мне было все равно, – и пробилась-таки к бутылкам. Плеснув в картонный стаканчик немного колы, я заполнила его доверху водкой и одним духом опустошила. Затем повторила. Проклятье, нужно было держаться от Элиаса подальше! А я что сделала, идиотка? Положила свое сердце к его ногам, так что ему ничего больше и не оставалось, как на нем оттоптаться.

– Эмили Винтер! – раздался за моей спиной голос злого гномика.

Я застонала. Кто бы мог подумать, что костюм ангела, в котором Алекс сегодня щеголяет, окажется настолько к месту: ведь она помешала мне во второй раз совершить самую большую ошибку в моей жизни! Однако иллюзий я не питала: меня ожидала встреча совсем не с ангелом, а скорее с исчадием дьявола. Я схватила бутылку водки, снова намешала коктейль и сделала глоток, прежде чем поставить стаканчик на стойку и повернуться к Алекс.

...И-и-и – поехали!

– Как тебе только в голову взбрело обжиматься с моим братом на террасе? – спросила Алекс. Себастьян, которого она притащила за собой, держался позади. Он так старался остаться незаметным, что я не удивилась бы, если бы он сейчас достал газету и сделал вид, что на свете нет ничего увлекательнее прогноза погоды на завтра. Как приятно, что благодаря Алекс самые актуальные новости распространяются куда быстрее, чем с помощью любой социальной сети.

– Вовсе я с твоим братцем не обжималась, пропади он пропадом! – воскликнула я. Да что же я за человек, черт побери, почему мне вечно приходится оправдываться?

– Да я видела порнофильмы, в которых все было гораздо приличнее!

– Ты вечно преувеличиваешь, Алекс! Ну подошли мы друг к другу поближе, ну и что?

– Подошли друг к другу поближе? – повторила подруга. Глаза ее гневно сверкнули. – Эмили, – сказала она и уперла руки в бока, – я же просила тебя признаться честно, если у тебя что-то есть с моим братом!

– Честнее некуда! Нет у меня с ним ничего!

– Ненавижу тебя за это! Ты моя лучшая подруга и не говоришь мне ни слова! Наоборот, врешь направо влево!

– Господи, Алекс, – воззвала я, – да пойми же наконец, я ничего тебе не говорила, потому что и говорить было не о чем!

– Никогда тебе этого не прощу! – Она драматически вздернула подбородок.

Я возвела глаза к потолку. Что мне, больше всех надо? Видит бог, у меня полно других забот, кроме как извиняться перед Алекс – только потому, что я, понимаете ли, не уведомила ее в письменной форме, какие именно отношения между мной и Элиасом.

– Успокойся, Алекс, – сказала я. – Не спорю, я и правда немножко перебрала, и стороннему наблюдателю эта сцена могла показаться... непристойной. Но, в конце концов, ничего не произошло. Поэтому, может быть, ты уже перестанешь кудахтать и дашь мне спокойно напиться? – Я скрестила руки на груди.

– Поверить не могу, что ты пытаешься отделаться от меня идиотскими отговорками! Ты мне все объяснишь. А иначе даю слово: до конца жизни ни на минуту не оставлю тебя в покое!

Она отвяжется или нет?

– Ты не мог бы унять свою девушку? – прошипела я Себастьяну. Вместо того чтобы переминаться с ноги на ногу, как болван, мог бы и заступиться за меня.

Он моргнул и залепетал:

– Алекс, золотко, ну будет тебе... Ты все-таки немножко перегибаешь...

Лицо Алекс потемнело. Она мигом обернулась к возлюбленному:

– Я ПЕРЕГИБАЮ?!

Себастьян втянул голову в плечи.

– Я... То есть... М-м-м... – он поднял руки в знак того, что сдается, и постарался вложить в голос побольше нежности. – Алекс, золотко, я только хотел сказать, что мы оба не имеем ни малейшего понятия, насколько сложные отношения у Эмили и Элиаса. Мне кажется, не стоит обижаться, что Эмили ничего тебе не рассказала. – Он пожал плечами. – Возможно, она и сама не знает точно, что происходит.

Все-таки Себастьян – удивительный человек. Если бы за все время их отношений хотя бы десятая часть его способности к эмпатии передалась Алекс, я была бы счастлива.

На мгновение Алекс просто лишилась дара речи. Да, даже гневная складка на переносице разгладилась. На нее снизошла какая-то просветленность. Но, конечно, ненадолго. Хотя лицо ее и смягчилось, на нем, в придачу к удивлению, появился еще и налет скепсиса, который не стоило недооценивать. Нужно было соблюдать осторожность.

– А может, – сказала она, и в ее глазах появился странный блеск, – ты знаешь больше, чем я?

Себастьян нервно сглотнул.

Говорят, в экстремальных ситуациях проявляется истинный характер человека. Увы, я этот экзамен безнадежно провалила, показав себя ужасной трусихой. Себастьян попытался мне помочь и сам попал в беду – теперь мне следовало встать на его защиту. Но я схватила стаканчик и, воспользовавшись тем, что Алекс в этот миг не обращала на меня внимания, улизнула. Они и глазом моргнуть не успели, как я уже пронеслась мимо и выскочила из кухни. Угрызения совести я решила отложить до завтра.

Но куда мне теперь податься?

Слегка покачиваясь, я достала из кармана джинсов телефон. Супер. Последний автобус ушел два часа назад. Вообще-то я надеялась, что Алекс и Себастьян меня подбросят до дома, но теперь с этой просьбой к ним лучше не обращаться.

Пешком до общежития не дойти, слишком далеко, и я сделала то единственное, что мне оставалось: приложилась к стакану. Если даже двенадцатилетки в состоянии напиться до беспамятства, то я уж точно могу.

Конечно, я понимала, что алкоголь не решит моих проблем, но не водичку же мне хлебать. Да и ничто иное в тот момент мне все равно не могло помочь. Уже несколько недель из-за этого человека я балансировала на грани. Мои силы подходили к концу.

Испытывая некоторые трудности с координацией движений, вызванные алкоголем, я метр за метром продвигалась по комнате. Последнее, что мне сейчас было нужно, – это наткнуться на Элиаса. Сутулясь, я все время озиралась по сторонам. Но мне не повезло.

– Эмили, подожди! – вдруг услышала я сзади возглас.

Подождать? Ага, конечно. В следующей жизни. Я в панике бросилась наутек. Но шаги за спиной становились все быстрее и громче, и в следующий миг я почувствовала, как пальцы Элиаса сомкнулись на моей руке.

– Руки прочь! – рявкнула я. Вырвавшись, я заспешила дальше, но тут Элиас вынырнул передо мной, и я затормозила, чуть не врезавшись в него.

Наверное, он увидел в моих глазах ярость, потому что сделал успокаивающий жест.

– Эмили, послушай, ну не впадай в истерику. Давай просто поговорим об этом, согласна?

– Нам не о чем говорить!

Выпалив эту фразу, я хотела протиснуться мимо него, но он остановил меня.

– Кое о чем нам поговорить все-таки нужно. Пожалуйста, Эмили, давай уйдем отсюда и все обсудим.

– Куда это мы уйдем? Дай-ка угадаю: на заднее сиденье твоего «Мустанга»? – Я фыркнула, развернулась и бросилась в противоположном направлении.

– Если ты захочешь, зайка, мы вполне можем закончить нашу беседу и там, – сказал он с усмешкой, снова нагоняя меня. – Но сперва, пожалуйста, давай поговорим.

Я скрестила руки на груди. Больше всего мне сейчас хотелось свернуть ему шею.

– Забудь об этом! – заявила я. – Ты достаточно уже меня помучил, ты... Ты... Ты...

– Я? – переспросил он, подняв брови.

– Ты... Ты... Ты со своим дурацким медовым голосом!

Медовым голосом? Класс. Эмили, если он сейчас не разрыдается, то уж и не знаю. Я снова попыталась протиснуться мимо него.

– Медовым голосом? – повторил он слегка раздраженно, опять хватая меня за руку.

– Да прекрати же лапать меня!

– А ты прекрати постоянно убегать.

– Ты что, не понимаешь, что я не хочу с тобой разговаривать?

– Но я-то хочу поговорить о том, что произошло!

– Я уже сказала тебе: говорить нам не о чем! Потому что как раз таки ничего не произошло!

– Это, по-твоему, «ничего»? – осведомился он.

Я так злилась на себя, что чуть не зарычала. Зачем я вообще с ним связалась?

– Ну хорошо, если ты хочешь поговорить, давай... Я просто слишком много выпила, только и всего.

– Только и всего? – Он не поверил ни единому моему слову.

Мне захотелось выругаться. Но, конечно, нужно было придумать нечто более убедительное.

– Да, блин, только и всего! Благодаря твоей милой сестричке каждый теперь знает, как давно у меня не было секса. А что ты оказываешь на женщин определенное воздействие, тебе и без меня известно. Под влиянием алкоголя, – я тяжело дышала, – я просто потеряла над собой контроль! Только и всего. Доволен? Можно мне наконец пройти?

Сведя брови, он с сомнением разглядывал меня и, казалось, раздумывал: принять то, что я сейчас сказала, за чистую монету или не стоит.

– Тогда почему ты в таком смятении? – требовательно спросил он.

Ненавижу его, ненавижу, ненавижу!

– Я вовсе не в смятении! Я очень сердита! – И я в очередной раз повернулась к нему спиной и попыталась сбежать.

Катастрофа налицо: мне уже не выкрутиться. Он знает, что я втрескалась по уши. Знает. Зачем я вообще сюда притащилась?

Не зная, что предпринять, я поднесла к губам стакан в надежде, что алкоголь притупит все чувства.

– Напиваться – в любом случае не выход, – сказал Элиас. Он снова догнал меня и дышал мне в затылок.

Я остановилась.

– А по-моему, отличный выход! – ответила я и хотела продолжить путь, но рука Элиаса вновь помешала мне это сделать.

Я в бешенстве посмотрела на него.

– С тобой... с тобой бывает так сложно, – растерянно пробормотал он.

– Это со мной-то сложно?!

Он кивнул.

Ладно, может быть, со мной порой и бывает сложно... Но мне-то что до того?

– Ну и что? – сказала я. – Со мной сложно, да! Но лучше быть сложной, чем сволочью.

Выражение его лица резко переменилось, и он презрительно хмыкнул. Медленно отступил на пару шагов назад, освобождая мне путь.

– Знаешь что? Иногда у меня складывается впечатление, что ты совершенно не хочешь мне верить.

– Думай что пожелаешь, – бросила я и пошла прочь.

На этот раз он за мной не погнался.

Глава 2

Выпивки много, а Эмили одна

Через два часа я сидела с Фредди Крюгером на диване в гостиной. «Сидела», впрочем, сильно сказано – меня изрядно штормило.

Я не очень много знала о моем новом друге в красно-черной полосатой футболке. В сущности, только то, что он оделся Фредди Крюгером и выглядел так же жалко, как и я. Обнаружив его на диване, я без спросу плюхнулась рядом. Беда с бедой сходится. Мы прекрасно поняли друг друга. В моих пьяных мозгах даже возникла гипотеза, не брат ли мы с сестрой, разлученные при рождении.

– Еще глоток? – заплетающимся языком пробормотал мой новообретенный братец, протягивая мне бутылку.

Я с благодарностью ее взяла.

– Это плучше буйт, чем эти идиотские с-стакашки, – сказала я, прикладываясь к бутылке. Горькая жидкость потекла в горло. Я поморщилась.

– Ага, – кивнул он.

– Т-ты Фредди?

– Да ваще-то не это... не Фредди.

– А кто?

– Шефф.

– Шефф? – переспросила я.

– Да не... Чефф. От Чеффри.

– А! Джефф.

– Вот-вот, – согласился он. – А т-ты?

– Мня звут Эм-мили.

– Привет, Эм-мили! – воскликнул он и протянул мне руку. Я хихикнула – ведь мы уже довольно долго сидели рядом. Но руку взяла и потрясла от души. А потом отдала ему обратно бутылку.

– Ты что-то хтела у мня сп... спросить? – Я стала последовательно напрягать извилины – заняло это минуты четыре, не меньше, и действительно поймала улетевшую мысль.

– А-а, т-точно! – обрадовалась я. – Я хтела узнать, пчему ты пьешь.

Он повесил нос и покачал головой.

– Мня б-бросила пдружка.

– Ох, печаль-беда.

– Ага... Уд-драла с К-криком.

– Мне ужс как жаль... Г-грустно. Правда г-грустно.

– Хужтого!

– Хужтого? – переспросила я.

– Ага. Этбыл не нас... не насто... не тот Крик, а ж-жуткая рожа из ф-фильма ужсов!

– Вот дерьмо, – сказала я и хихикнула, и он тоже засмеялся.

– Ин-наче и не с-скажешь, – отозвался он. – Но с-смешного всё же ниче н-нет...

– Могусе пред... представить.

– Я ему сказл, чтоб уб-брал лапы от моей п-подружки, а он только л-лыбился. – Фредди совсем пригорюнился. Я похлопала его по бедру. – И квсему прочму у мня, пхоже, ещедна п-проблема.

– Ещедна? – Мать честная, эк парня пробрало-то!

– Ага, вот этот т-тип, – он указал на кого-то рукой. – Пмоему, я ему п-приглянулся.

Я проследила, куда он указывает, и увидела Элиаса, который, скрестив руки, привалился к противоположной стене и, хочется верить, нашего разговора не слышал, хотя смотрел в нашу сторону весьма недобро. Как только до меня дошло, что Фредди истолковал взгляды Элиаса как проявление интереса к нему, я чуть не задохнулась от смеха и отчаянно закашлялась. Ответить я смогла не сразу.

– Не-е-е, эт Элиас, – пояснила я, утирая слезы.

– Ты его з-наешь?

– Ага. Он рас... расстроился, птомуша я его нзвала с-скотиной.

– За что т-ты его т-так?

– Я в него ф-фтюрилась п-поуши, а он т-только хочет затащить меня в п-постель.

– Это н-нехрашо, – сказал он.

Я покачала головой. Совсем нехорошо. Ни капельки.

– Но пчему он т-торчит там всёремя?

– Тож не знаю.

Я тяжело вздохнула, и мы немного помолчали.

– Знашшто я д-думаю? – спросил он.

– Не-а.

– У нас обоих г-говленные п-пловинки.

– Да, с-сог-гласна, – отозвалась я, и оба мы ни с того ни с сего страшно развеселились. – Дай-ка сюда, – потребовала я, хлопнув его по груди, чтобы он отдал мне бутылку.

– Дьжи.

– С-спсибки!

Я приложилась к бутылке и снова скривилась. Человеку вроде меня, который пьет алкоголь лишь от случая к случаю, к водке еще нужно привыкнуть. Дьявольская штука!

– Знашшто еще т-тупо? – спросила я.

– Не.

– Я дажнезнаю, к-как отсюда в-выбираться! Алекс и Себа... Себас... Басти уже уехали, п-понимаешь.

– Кто т-такие Алекс и Себа-Себас-Басти? Инос-с-странцы?

– Не-е, психологи.

– А-а! А сёдня они к-кто?

– Злой гномик и ее п-прекрасный тупой д-дружок.

– Пнимаю. И ч-что ты собираешься делать, р-раз не знаешь, как выбираться?

– Тож не знаю. С-сидеть тут и б-бухать, думаю.

– Г-глупости, па-аехали к мне! – предложил он.

– Кто такая Мина?

– Этж я.

– Я думала, ты Джефф?

– А, я хтел скзать, ка-а м-мне, – пояснил он, и на этот раз я его поняла.

– А-а! Ты где-то р-рядом жвешь?

– Ага, за углом.

– З-здорва!

– Но с-сперва ещ-ще выпьем, что с-скажешь?

– Д-да, смыть об-биды, – согласилась я.

– Вот им... именно!

– Знашшто? – спросил он.

– Не-а.

– С тобой храшо т-трепаться, Эльфрида.

– Эмили, – поправила я.

- Бзразницы!
- Вз-заимно, Фредди!
- Шефф?
- Шеф?
- Не-е, Ч-чефф?
- А... ну да.
- Бум, – сказала я и увидела, как стремительно исчезает содержимое бутылки. – Эй, дай глотну! – Я протянула руку.
- П-пусто.
- К-как это пусто?
- Ф-фсё в-выпил, – ответил он.
- Т-тогда принеси мнещедну!
- Твоя очередь.
- О не-ет...
- Да-да.

Я застонала. Меня мучили подозрения, что лучше бы мне не вставать – мало ли что случится, – и чем дольше я об этом думала, тем яснее понимала, что опасения мои не напрасны. Неужто никак нельзя обойтись без этого? Ворча себе под нос, я попыталась встать. Вцепившись в бедро Фредди, я с трудом сделала это. Я едва держалась на ногах, меня качало то влево, то вправо, то вперед, то назад.

Когда ты пьян, ощущение такое, будто смотришь в окно скоростного поезда. Перед глазами все плыло. К тому моменту, как я вычленяла что-то из окружающего мира, оно уже давно исчезало из поля зрения. Правда, тут было одно явное преимущество по сравнению с поездом: быть пьяным значительно веселее. Поэтому я захихикала. Благодаря подлокотнику дивана мне все-таки удалось кое-как обрести равновесие и подняться на ноги. Я ткнула пальцем во Фредди.

- Н-никуда не убгай, с-сиди тут, п-понял?
- Чесслово! – отозвался он и хотел в знак клятвы прижать руку к сердцу, но попал в плечо. Я удовлетворилась этой плечевой клятвой, и сказала:
- Хршо, – и, покачиваясь, направилась к двери.

Элиас стоял почти у самого выхода. Злым взглядом он проводил мое шаткое дефиле, но не сдвинулся с места ни на сантиметр. На мгновение я остановилась: передо мной было уже два Элиаса. Неизвестный близнец? Или просто оптический обман – ведь я же несусь в поезде? Точно я не знала, но меня очень позабавило, что Элиасов теперь два и оба осуждающе смотрят на меня. Недолго думая, я подошла к одному из них и легонько толкнула его локтем. И захихикала. Он упорно продолжал смотреть вперед. Скрестив руки на груди так же, как он, я проследила за его злобным взглядом. Фредди, издали наблюдавший за происходящим, точно так же, как и я, не мог оставаться серьезным. Но у Элиаса лицо было по-прежнему каменное, и это ужасно меня рассмешило.

- Ты нюмеешь в-веселиться! – сказала я, но он никак не отреагировал.
- Ты хтела принести выпить! – крикнул Фредди.
- Мой рот принял форму буквы «О».
- Точня-ак!

Я оторвалась от стены и тут же покачнулась. Ухватившись за косяк – единственную мою опору, – я поковыляла дальше к цели. По коридору я шла, плечом обтирая стену, и удивлялась, почему он такой узкий. Ни пройти, ни проехать!

* * *

За пять минут где я только ни побывала, но только не там, куда стремилась. Где же эта кухня?

Несколько раз я останавливалась, чтобы оглядеться по сторонам, а потом стала ориентироваться по мертвецки пьяным телам, которые валялись тут и там на полу и крепко спали. И действительно: чем чаще они попадались, тем ближе была цель. Когда я наконец добралась до кухни, там не обнаружилось ни души. Глупо только, что дверной проем оказался еще уже, чем коридор. Набив синяк, я преодолела и эту преграду и, пошатываясь, устремилась к остаткам бывшего алкогольного изобилия.

За какую бутылку я ни бралась, все были пустые. Кто же все тут выхлебал, черт возьми?

Продолжив поиски, я случайно задела одну из бутылок, и она с грохотом покатилась по кухонной стойке.

– Упс. – Я захихикала.

– По-моему, ты выпила уже достаточно, – произнес чей-то серьезный голос за моей спиной.

Мой любимый голос.

– Птвоему? А пмоему, н-нет.

Я схватила ближайшую бутылку, на дне которой еще что-то плескалось – правда, определить, что это, было затруднительно. Я критически рассматривала неведомую жидкость.

– К чему все это, Эмили? – Элиас протянул руку и отобрал у меня бутылку.

– Ой-ёй, – протянула я и повернулась к нему. Но, посмотрев ему в глаза, притихла.

– Зачем ты так нахлесталась? – спросил он.

Из-за тебя. Я пожала плечами.

– Хватит, я отвезу тебя домой. – Он поставил бутылку обратно на полку.

– Но я х-хочу еще побыть т-тут!

– Ты уже достаточно покуролесила, пора и честь знать, Эмили.

Я надулась.

– Ты з-злишься?

– Да, причем сильно, – ответил он. Голос его звучал спокойно, и это пугало меня больше всего.

– Но я не х-хочу, чтоб ты з-злился.

– Об этом раньше надо было думать.

– П-прости. – Я уткнулась лицом ему в грудь. Мне хотелось обнять его крепко-крепко. Пусть не злится на меня. Пусть любит меня так, как люблю его я.

Элиас помедлил мгновение, потом взял меня за плечи и отодвинул от себя. Вид у него был такой, что, если бы у меня и возникло намерение снова к нему прильнуть, оно бы умерло в зародыше.

– Пошли, – сказал он.

– А как же Ф-фредди?

– А что с ним?

– Я д-должна с-скачать ему пока!

– Эмили, – проговорил он и на миг прикрыл глаза. – Я правда очень сержусь, и вдобавок ужасно ревную. Не доводи до греха.

– Ты ревнуешь к Фредди?

Я не ослышалась? Это ведь все равно как если бы слон позавидовал человеческому носу. Я засмеялась и погладила его по плечу. Элиаса всегда отличало превосходное чувство юмора.

– Не понимаю, что тут смешного, – сказал он. – Похоже, ты с любым случайным знакомым сходишься ближе, чем со мной.

– Но т-тыжмня т-токашто оттолкнул, – сказала я, подняв указательный палец.

– Да, ведь я не хочу, чтобы ты обнимала меня только потому, что напилась в стельку. Я почувствовала умиление.

– Ин-ногда ты такой т-трогательный.

Он вздохнул.

– А еще иногда я хочу тебя прибить.

– Ха! Я сильнее, уж поверь!

Элиас покачал головой.

– Как бы то ни было – давай со всеми попрощаемся и поедем.

– Алекс уже уш-шла, да? – спросила я, немного кренясь. Лучше мне сегодня не попадаться ей на глаза. Никакой она не злой гномик – настоящий свирепый тролль!

– Да, уже давно. Похоже, они с Себастьяном немного повздорили.

– Хо-хо. – Я округлила глаза.

– Что такое? Ты как-то в этом замешана?

– Только если... совсем немного?

– Кажется, я подозреваю, каким образом, – сказал он. – Тебе устроили такой же нагоняй, как и мне, верно?

Я кивнула.

– Не бери в голову – если в твоём состоянии это вообще возможно. Они уже успели помириться и улизнули, глупо ухмыляясь.

Честно говоря, вот этих подробностей, которые предвещали примирительный секс, я бы предпочла не знать, но по крайней мере угрызения совести меня мучить перестанут.

– Итак, фройляйн, пора идти, – сказал он.

Путь в столовую оказался так же тернист, как из гостиной на кухню: я пересчитала все встретившиеся углы. Элиас предусмотрительно загораживал от меня цветочные горшки – это было очень мило с его стороны, – но руки не протягивал и плеча не подставлял. Почему он не хочет стать мне опорой? До сих пор дуетесь? А может, это оттого, что я благоразумно держала дистанцию метра в два?

Но мне-то зачем эта дистанция?

Столовая тем временем опустела. Энди, Джессика, Ивонн и Ян стояли тесным кружком.

– Эй! – крикнула я и воздела руки. – Я слышала, здесь а-атличная т-тусовка!

Элиас округлил глаза, Энди ухмыльнулся.

– О да, Эмили. Все в порядке?

– Лучше некуда, – отозвалась я.

– Точно? – Энди засмеялся и окинул меня взглядом. – Софи я уже уложил, – сказал он Элиасу. – Разве не должно быть наоборот? Мы что-то делаем не так.

– По всей видимости, – ответил Элиас, покосившись на меня.

– Так это в-вы в-во всем и в-виноваты! – воскликнула я. – Н-нам н-ничего не остается, как бухать! – Я демонстративно скрестила руки на груди и чуть не упала.

– На ногах еле держится, а всё вещает, – удивился Энди.

Элиас вздохнул.

– Кому ты это говоришь. Ну, так как с сексом сегодня явно не задалось, отвезу-ка я девушку домой. – На прощание он похлопал Энди по спине.

– Пф-ф-ф, – фыркнула я. – Ну ты и н-нахал, Элиас!

Он усмехнулся.

Мысль, что в ближайшем будущем я окажусь одна в своей дурацкой комнате, подпортила мне настроение. Но это не помешало мне повиснуть у Энди на шее, словно он мой лучший друг. Он был такой милашка, что даже отпускать не хотелось. С рычанием Элиас отодрал меня от него. И сам тут же полез обниматься к Джессике. Кажется, я слышала, как они договаривались на картофель. А может, на кофе? Во всяком случае, «ф» посередине точно была.

Прощавшись с друзьями, мы двинулись к выходу: Элиас шагал впереди, грациозно, как всегда, а я плелась следом, нога за ногу. Когда мы оказались на улице, свежий воздух и алкоголь разом ударили мне в голову. По каким-то причинам они не очень ладили друг с другом, и я разом почувствовала себя еще пьянее, чем раньше.

– Лапусик, – позвала я, но Элиас не откликнулся.

Он двигался слишком быстро. Мне и без того трудно было переставлять ноги, а о том, чтобы делать это шустрее, не могло быть и речи. Я не понимала, с какой стати Элиас решил, что именно сегодня я должна ставить спортивные рекорды.

– Не т-так быстро, Элиас... Ик.

– Эмили, – сказал он, останавливаясь и оборачиваясь ко мне. – Если мы сбавим темп, придется стоять на месте.

– Непра-авда...

– Истинная правда. Я уже жду, когда тебе побибикает какая-нибудь улитка.

Он подождал, пока я догоню его, и двинулся дальше. Через несколько шагов я снова плелась у него в хвосте.

Левая нога, правая нога. Да почему же это так трудно? На перестановку ног уходило все мое внимание, и все равно получалось плохо. А в следующее мгновение я получила вещественное доказательство того, какое на самом деле непростое дело – ходить.

– Ух! – вскрикнула я, когда нога внезапно подогнулась. Взмахнув руками, я потеряла равновесие и упала на живую изгородь.

– Эмили? – услышала я издали голос Элиаса. – Где ты?

– Ик.

Сначала я услышала шаги, потом изгородь зашевелилась.

– Эмили! Что... Боже, да тебя ни на секунду от себя отпускать нельзя. Что случилось? Я захихикала.

– Меня перехватил мсье Кусто! Понимаешь? Мсье Кусто! Потому что я упала в кусты! Элиас вздохнул и наклонился ниже.

– Ушиблась?

– Не знаю...

– Девочка, девочка, – проговорил он. – Иди-ка сюда. – Он схватил меня за руку и потянул вверх. Я так быстро оказалась на ногах, что осознала это, только когда упала лицом Элиасу на грудь.

– М-м-м, – промычала я и обхватила его руками, твердо намереваясь никогда больше не отпускать.

– Ик.

– М-м... Эмили? – позвал он. – Что ты там делаешь?

– Ничо, – ответила я и потерлась щекой о его грудь. – Ик.

По его телу пробежала легкая дрожь, так что я не только услышала, но и почувствовала тихий смех. Он положил руку мне на спину и провел вдоль позвоночника – вверх и вниз.

– Знаешь, – прошептал он, наклоняясь ко мне, – как часто я мечтал, чтобы ты так сделала?

Есть моменты, которые хочется удержать навсегда. Это был один из них. Я бы стояла так до конца жизни, слушая его голос. Но Элиас опять взял меня за руки и немного отстранился.

– Когда и где угодно, Эмили, если ты этого захочешь. Но сейчас я понятия не имею, хочешь ли ты этого и почему вообще ты это делаешь.

– Ик.

Он усмехнулся.

– Не корчи таких рож, золотко. Дай-ка я лучше посмотрю, не поранилась ли ты.

Сложив губы так, что любая утка мне бы позавидовала, я выполнила его просьбу и протянула ему руки. Он тщательно осмотрел их со всех сторон.

– Похоже, пара ссадин, не более того, – констатировал он и перевел взгляд с рук на лоб. – Царапина неглубокая, но мне жаль, что я не уследил за тобой, Эмили. – Он осторожно провел пальцем по маленькой ранке у меня над глазом.

– Ик.

– Увидишь, все быстро заживет, – сказал он. Затем наклонился ко мне и коснулся губами лба. Мое сердце на пару секунд перестало биться.

Воцарилось молчание. Никто не говорил ни слова, только Элиас внимательно разглядывал меня. А потом усмехнулся уголком рта.

– У тебя икота прошла, – сказал он.

Следовало немедленно опровергнуть, что тут есть хоть какая-то связь с поцелуем в лоб, но, к сожалению, меня совершенно загипнотизировали четыре бирюзовых глаза.

– Пошли, – сказал он. – До «Мустанга» уже недалеко.

– Но я... но я вобще-то не хочу домой. Давай еще потусим?

Судя по выражению его лица, согласия ждать не приходилось.

– Забудь. Ты сегодня уже натусилась.

Я надулась.

– Ты такой строгий.

– Радуйся, что не видела меня по-настоящему строгим, фройляйн.

Тихонько ворча себе под нос, я предприняла новую попытку дойти до машины. Первые пять шагов все было благополучно, а потом я едва не свела знакомство с братом мсье Кусто – господином Шиповником. Элиас вздохнул и положил мне руку на талию. Я привалилась к нему и пристроила голову ему на плечо. И глубоко вздохнула.

– Ты становишься ласковой как теленок, стоит тебе напиться, – прошептал он. Я чувствовала, как он поглаживает меня большим пальцем.

– Ты пахнешь Элиасом, – сказала я.

– А ты пахнешь Эмили, которая искупалась в шнапсе.

Я прижалась к нему покрепче.

Непонятно как, но нам все-таки удалось целыми и невредимыми добраться до «Мустанга». Правда, три раза я чуть не упала, так как, прижимаясь к Элиасу, закрывала глаза, но об этом не стоит и упоминать.

– Можно я поведу? – спросила я, когда Элиас распахнул дверь.

– Конечно, милая, – сказал он и помог мне забраться на сиденье рядом с водительским.

Когда я уселась, он наклонился ко мне и стал возиться с ремнем, чтобы меня пристегнуть.

– С биологической т-точки зрения разве не я д-должна наклоняться ф-фперед? – Я хихикнула, а Элиас, округлив глаза, уставился на меня.

– Фройляйн Винтер, – сказал он и откашлялся. – Скабрезные шуточки тут отпускаю я!

– З-звиняюсь, п-просто хотела ут-точнить. – Я передернула плечами, и Элиас, качая головой, вновь занялся ремнем. Вскоре раздался щелчок.

- Вот так, – сказал он и выпрямился. – Вошел.
- Ув-верен? – ухмыльнулась я. – Я не чувствую.

До этого момента я понятия не имела, какое глупое выражение лица может быть у Элиаса. Увы, долго мне этим зрелищем любоваться не довелось. Его губы расплылись в усмешке, и с многообещающим блеском в глазах он вновь склонился надо мной.

- Поверь мне, детка, – шепнул он. – Когда надо, почувствуешь.

Надо или не надо, но я почувствовала только, как вспыхнули мои щеки. Ухмылка Элиаса стала шире. По счастью, он не знает, что горячо стало не только щекам.

- Круть, – сказала я. – Ты меня возбуждаешь.

Упс. Неужели я наконец-то это произнесла?

Элиас растерянно поглядел на меня, подняв брови.

- Скажи-ка, у тебя есть какие-то... гм, секреты, о которых ты до сих пор молчала?

- Тебе понра-авится...

Он кивнул. Вид у него был заинтересованный.

– Ну-у хорошо-о, я тебе скажу, – протянула я. – Иногда я даже думаю о с-сексе. – Я захихикала.

Элиас прижал руку к груди.

- Эмили Винтер, я в шоке!

- Можешь не к-краснеть, ты еще не нас-столько с-старый...

Ответом мне была усмешка. Чем пошлее он ухмылялся, тем больше возбуждал меня...

Вот проклятье!

Он взялся за ручку, намереваясь захлопнуть дверь, но неожиданно замешкался и озабоченно осмотрел меня.

- Эмили, ты же не заблюешь мне «Мустанг», правда?

Я засмеялась.

- Небойсь, я все п-проглочу!

Его лицо заметно просветлело.

– Боже, я люблю эту женщину, – пробормотал он себе под нос и захлопнул дверь. Не успела я оглянуться, как он уже оказался на водительское сиденье.

– Ну, поехали, – сказал он, завел мотор и включил музыку. «Интерес сбросить вес», – из колонок забухал рэп под однообразный даб-бит. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не начать подпевать громко и не в лад: «Дюмди-дюмм, дюмди-дюмм, дюмди-дюмм...»

Меня вдавило в кресло – Элиас нажал на газ.

– По-моему, нам надо обсудить это поподробнее. – Он бросил на меня быстрый взгляд. – Как там насчет твоих мыслей о сексе?

- Ты прям нас-сквозь меня видишь! – Я ткнула в него пальцем.

Он засмеялся и скорчил умильную рожицу, которой позавидовал бы любой щенок.

- Понятия не имею, о чем это ты.

- Ты п-просто п-пользуешься тем, что я в-выпила! Я тебе н-ничего не расскажу!

- Тебе неприятно говорить о сексе?

- Да нет...

- Но тебе неприятно говорить о сексе со мной?

- Ты сожрал Себастьяна? – осведомилась я.

- Воспринимаю это как «да». Не признаешься, почему?

- Потошту... Помошты...

- Потому что я?

- Потошты ф-фсегда ф-фсе представляешь наг-глядно!

- А разве это плохо?

– Да! – сказала я. Как этого можно не понимать? – Ты ф-фсе время представляешь меня голой! – Я была очень сердита, а он веселился от души.

– Так что же мне еще остается? Неужто я не могу побыть с тобой хотя бы в мечтах?

– С-сколько угодно, но чтобы я при этом не с-скакала голой по твоей к-квартире!

Он снова усмехнулся и пустил в ход коварнейшее оружие: тот самый медовый голос.

– Дорогая, – произнес он, – ты для меня не какая-то там дешевая фантазия, если вдруг ты так думаешь.

– Это только с-слова, – пробурчала я.

– Чистая правда, не стесняйся.

– Я в-вовсе не с-стесняюсь.

– Да-да, конечно. – Он подмигнул мне. – Но что-то мы многовато говорим обо мне – давай лучше о тебе.

– Тебе т-только т-того и надо. – Я округлила глаза.

– Твоя очередь, Эмили: о сексе со мной ты тоже иногда думаешь?

Иногда? Я покачала головой.

– Значит, да, – засмеялся он.

Я скрестила руки на груди.

– Ты, п-похоже, думаешь, что н-ниатразим!

– Поверь мне, Эмили, – вздохнул он. – С тех пор как мы знакомы, я думаю о себе что угодно, только не это.

Да уж конечно, подумала я и нарочно представила себе, как он скачет голым по квартире. Так-то тебе, поделом!

Элиас совершенно не собирался прекращать эту игру в вопрос-ответ. Но он не принял в расчет мое неборимое упрямство. В поединке с его любопытством оно вело 11:0. Когда полчаса спустя Элиас остановил машину, он уже смирился со своим бессилием.

* * *

В отличном настроении я высунулась из машины и стала вылезать наружу – это удалось почти всем моим частям тела, кроме головы. Я услышала громкое «бум» и сообразила, что сама произвела этот звук.

– Ай... моя голова, – простонала я и потерла ушибленное место.

– Что опять случилось? – осведомился Элиас, обойдя машину. – Почему ты не дождалась меня? Я бы тебе помог.

Я пожалала плечами: боли я уже не чувствовала. Элиас сам захлопнул за мной дверь, а я тем временем осмотрелась по сторонам и остановила взгляд на здании передо мной, которое меньше всего напоминало университет. Я нахмурилась, затем вытаращила глаза.

– Униве-ер... его персроили!

Элиас засмеялся.

– Нет, Эмили. Мы у меня.

– У тибя-а?

Он положил руку мне на талию и кивнул.

– Ты же не думаешь, что я оставляю тебя в таком состоянии одну?

Не дожидаясь ответа, он подтолкнул меня вперед. Я хотела было протестовать, но затем до меня дошло, что возразить мне решительно нечего, и склонила голову ему на плечо.

– Это не спектакль? – недоверчиво спросил он.

– Не-е, сёдня нет, поджи до завтра, – ответила я и, споткнувшись о порог, ввалилась в подъезд.

Но когда я оказалась у подножия лестницы и посмотрела вверх, голова пошла кругом.

– П-пять пра-аклятых этажей.

– Не волнуйся, сейчас тебя поднимем, – сказал он.

– Да я не с-справлюсь.

– Встань-ка вот сюда. – Он помог мне подняться на третью ступеньку и повернулся спиной. – Давай, залезай.

– Ш-што ты за убогий в-вампиришка? Поч-чему ты не умеешь л-летать? – спросила я и повисла у него на шее.

– Я бессмертный человек, а не бессмертная птица.

– Жа-аль... Ну ла-адно, и так са-айдет.

Неизвестно как я умудрилась обхватить ногами его бедра, Элиас крепко взялся за мои щиколотки и стал подниматься по лестнице, таща меня на закорках. Хотя мне стоило больших усилий держаться крепко, я первый раз в жизни была чертовски рада, что в доме нет лифта. Ступенька за ступенькой взбирались мы на пятый этаж.

– Ты хочешь меня придушить? – просипел Элиас. Не ослабляя хватку, я решительно помотала головой и продолжала, словно обезьянка, висеть у него на плечах. Какие красивые, теплые плечи...

– Но делаешь именно это, – проговорил он, отпирая дверь в квартиру. Он уже вконец запыхался и ссадил меня с явным облегчением. Наклонившись вперед, он уперся руками в колени. Я смотрела, как он пытается отдышаться.

– Пока в доме нет лифта, для тебя действует сухой закон, – сказал он.

Я захихикала.

Сделав последний глубокий вдох и выдох, он распрямился, стряхнул с плеч плащ и, снова обняв меня за талию, повел на кухню. Там он прислонил меня к стене, чтобы я не могла упасть.

– Не двигаться! – приказал он, погрозив мне пальцем.

И хотя я послушно кивнула, кажется, я внушала ему какие-то сомнения, потому что, направившись к холодильнику, он ни на миг не выпускал меня из поля зрения. Достав бутылку с водой, он подошел и сунул ее мне под нос.

– До дна, – велел он.

– Н-но это ф-фсиво лишь вода! – я скептически разглядывала прозрачную жидкость.

– Алкоголь обезвоживает. Если ты не хочешь завтра получить самое чудовищное похмелье в жизни, лучше послушайся моего совета и выпей как можно больше воды. Лучше бы еще добавить магния и других минеральных веществ, так как их алкоголь тоже вымывает, но, к сожалению, у меня дома ничего нет. Поэтому придется обойтись водой.

Он сам отвинтил крышку, так как мелкая моторика мне отказала. За его монологом я, признаться честно, уследить не смогла, но там что-то говорилось про «воду» и «пить», а поскольку он вещал с очень умным видом, я послушалась доктора Шварца и поднесла бутылку к губам. Скосив глаза, я смотрела на Элиаса, который принялся ощупывать мою голову.

– Что ты д-делаешь? – спросила я и в следующий миг почувствовала, как струя холодной воды пролилась мне на футболку. Прежде чем я успела среагировать – я бы могла еще минут пять соображать, – Элиас ловко перехватил мою руку и вновь привел бутылку в вертикальное положение.

– Упс! Нельзя г-гаварить, п-пока п-пьешь, – хихикнула я.

Элиас окинул меня взглядом, оценивая урон, который вода нанесла моей футболке. Поскольку глядел он что-то слишком долго, я наморщила лоб и тоже посмотрела вниз. И теперь мы уже вдвоем с глупым видом пялились на черный лифчик, просвечивавший из-под тонкой футболки.

– Ой, – сказала я.

Впору было провалиться под землю от стыда, но тут мне пришла в голову мысль, что обливашки получились безумно смешные. Прекраснее всего было то, что Элиас выглядел ужасно смущенным.

– Хотел... взглянуть... на твою... шишку... – прозаикался он, не сводя взгляда с моей груди.

– Может, у тебя тошшешка?

– М-м-м... что? – Он моргнул и наконец поднял взгляд.

– Ничо-о, – отозвалась я сквозь смех.

Элиас сделал глубокий вдох и провел рукой по моим волосам.

– Эмили, ты сводишь меня с ума, – сказал он и снова попытался сосредоточиться на осмотре моей головы.

– Знатный рог вырастет. Рожок, – пробормотал он.

– Мне нра-авяцца рожки, – отозвалась я. – Особенно ш... ш-шикаладные.

Он сморщил лоб и усмехнулся.

– Шоколадные рожки... – повторил он.

Я кивнула.

Глава 3

Хэллоуинская ночь

Доктор Шварц оказался весьма суровым представителем своей профессии. Всякий раз, когда я хотела отставить воду, он цокал языком и грозил мне пальцем, и я снова подносила бутылку к губам. Он отвернулся один-единственный раз – когда возился в гостинной со стереосистемой, из которой скоро полилась тихая музыка. Все остальное время я была под его постоянным наблюдением.

– А где, собсна, Алекс? – осведомилась я.

– У Себастьяна.

Значит, мы с Элиасом в квартире одни.

Хм-м-м...

Быстро прогнав мысль, которая тут же полезла в голову, я заставила себя отхлебнуть еще воды.

– Э-Элиас. Я больше нимагу, мне уже и так п-плохо.

Я не лгала: из желудка поднималась волна тошноты, хотя и не настолько сильная, чтобы действительно меня встревожить. Радостное возбуждение тем временем прошло, и, по счастью, я перестала каждые две секунды нырять вперед.

Элиас стоял передо мной, облокотившись на кухонную тумбочку, и глядел мне в глаза. Выражение лица у него было расслабленное, на губах играла легкая улыбка. Настолько легкая, что заметить ее можно было, только приглядевшись.

Он мне нравился. Нельзя передать, как он мне нравился. Я ощущала это каждой клеточкой. В груди потеплело. Но было и еще одно чувство... Чувство, от которого перехватывало дыхание и щемило в груди. Я безумно соскучилась по нему.

И мы в квартире совсем одни...

– Тогда лучше перестань пить, – мягко сказал он, сделал шаг ко мне и, отобрав бутылку, сунул ее обратно в холодильник. – Тебе очень плохо? – спросил он.

Я покачала головой. Уголок его рта пополз вверх, тяжесть в моей груди от этого увеличилась вдесятеро, и я сделала то, чего никогда раньше не делала: улыбнулась в ответ.

Элиас, казалось, удивился: он, похоже, не знал, как это истолковать, но глаза его сияли с каждым мигмом все ярче и ярче. Он нерешительно поднял руку и тыльной стороной пальцев погладил меня по щеке. Я закрыла глаза и хотела было прильнуть к его груди, но он отдернул руку и закашлялся.

– Уложу-ка я тебя лучше спать, – сказал он и сунул руки в задние карманы джинсов.

Я сдержанно кивнула.

– Ты п... по... понесешь меня?

– Ты не в силах идти?

Честно говоря, не настолько я была не в силах, но детали я предпочла оставить при себе и ответила на вопрос утвердительно.

– Ну тогда пошли, – сказал он. Я сделала шаг ему навстречу, обхватила за шею и почувствовала, как его руки сомкнулись на моей спине и он поднял меня. Уткнувшись носом в его шею, я обвила его ногами. Тяжесть внутри немножко уменьшилась. Я закрыла глаза и только чувствовала, как он несет меня в спальню.

Добравшись до кровати, он потихоньку опустил меня вниз и поставил на ноги. Отпустив его шею, я едва не упала назад, но Элиас вовремя подхватил меня. Он крепко держал меня за предплечья, в глазах его был легкий испуг. Благодаря этому он выглядел таким невинным, таким безопасным, что мои ноги сами сделали шаг к нему. Приподнявшись на

цыпочки, я принялась покрывать поцелуями его шею. Элиас не шевелился, а мои руки тем временем скользнули по его груди и животу к поясу. Пальцы мои дрожали, когда я вцепилась в кожаный ремень и стала потихоньку его расстегивать, как вдруг... Как вдруг Элиас схватил меня за запястья.

– Что ты делаешь? – спросил он.

Я растерянно молчала.

– Но... ты же за этим меня сюда притащил, – наконец сказала я.

Он пристально смотрел на меня, и я видела, как его лицо становится все напряженнее.

– Вовсе не за этим я тебя сюда притащил! Как ты не понимаешь, черт бы тебя побрал?

Я вся сжалась – такой суровый у него был голос! – и сделала шаг назад. Меня так поразила его реакция, что я разом протрезвела, и меня затошнило.

Он сделал глубокий вдох, провел рукой по лицу и на миг замер.

– Что же мне еще сделать? – спросил он. – Что сделать, чтобы ты мне, черт возьми, поверила?

– Я тебе верю, – возразила я, теребя край футболки.

– Ты мне веришь? – он невесело рассмеялся. – Если б ты мне верила, ты бы не несла такую чушь!

Я не осмеливалась взглянуть ему в лицо, но чувствовала, что он смотрит на меня.

– Не надо так, – пробормотала я.

– Не надо как?

– Не надо вести себя так, будто сделал мне п-признание в любви! Ты мне только что сказал, что я тебе нравлюсь! Но нравиться мождаже п-постер на стене!

– Однако это все же больше, чем я знаю о тебе! Ты-то мне вообще ничего не говоришь! – ответил он. – Ни слова о том, нравлюсь я тебе хоть капельку или нет! Единственное, что я вижу, – ты нервничаешь, когда я приближаюсь, – ну и? Что мне с того? – Он сделал паузу. – Когда у меня возникает хотя бы искорка надежды, что... что все мои усилия не напрасны, ты тут же говоришь или делаешь что-то такое, что вновь сбивает меня с толку! – Вот хотя бы сегодня на вечеринке! – продолжал он. – Я наконец оставил тебя в покое – и что? – Элиас не ждал ответа, который все равно не получил бы. – Ты преследуешь меня весь вечер напролет. А зачем? Чтобы поставить меня в еще более дурацкое положение, чем раньше! Ты хотя бы представляешь себе, что я чувствую?

Он смотрел на меня, и взгляд его пронзал насквозь. Но что тут скажешь? Он был прав, о его чувствах я имела очень приблизительное представление. Я только ощущала, как судорожно сжался у меня что-то в животе.

– Боже, Эмили, – произнес он. – Неужели я стал бы так обхаживать постер на стене, даже если бы он мне понравился? Стал бы бегать за тобой по пятам, несмотря на то что ты не раз давала мне понять, что у меня нет ни единого шанса?

Он сделал шаг ко мне.

– Ты сказала, что я якобы действую на женщин определенным образом. Знаешь что? Мне плевать, как я там на кого действую. Единственная, на кого я хотел бы действовать, это ты. Но как раз на тебя-то я никак не действую!

Его слова гремели у меня над ухом, но доходили до меня словно сквозь пелену. Не в силах сказать ни слова, я тарасилась на него, ощущая, что странное чувство в животе становится все отвратительнее.

– Эмили, – воззвал он, – что ты хочешь услышать? Что я ночами не сплю? Что есть не могу? Что целыми днями только о тебе и думаю? Что едва закрою глаза, вижу твое лицо – до последней черточки? – Эмили, дорогая, – он вздохнул и посмотрел на меня так, что у меня мурашки побежали по коже. – Поверишь ли ты мне, если я скажу, что я... что я в тебя...

Он не договорил. Горячая жидкость, метнувшаяся вверх по пищеводу, отвлекла мое внимание. Я едва успела поднести руку ко рту и со всех ног бросилась в туалет, вихрем пронесаясь мимо Элиаса.

* * *

Я корчилась над холодным фаянсом унитаза, словно побитая жизнью бродячая собака на последнем издыхании. Весь выпитый за сегодня алкоголь неумолимо рвался наружу. В голове стучало, глаза слезились, все тело болело, силы покинули меня. Желудок сводило спазмами, горло горело огнем, и чувство тошноты не проходило. Мысленно я уже составляла завещание.

Элиас присел позади меня и крепко взял меня за волосы.

– Да-да, – сказал он и вздохнул, – неизбежное последствие...

Нашелся умник.

– Слабое утешение, – еле слышно ответила я. – Я уже несколько раз просила тебя уйти. Все это омерзительно, Элиас.

Его теплая рука погладила меня по спине.

– Я учусь на врача, Эмили. Поверь мне, я видал кое-что похуже.

– Все равно, – пробормотала я. В такие чудовищные моменты хочется остаться наедине со своими страданиями.

После восемнадцатого дня рождения я поклялась больше никогда в жизни столько не пить – и теперь вспомнила почему.

– Тебе стало хоть немного лучше? – спросил Элиас. Ответить ему я не смогла, так как именно в этот миг к горлу вновь подступила горячая жидкость и я рванулась к унитазу.

– Похоже, что нет, – попытожил он. – Подожди немного, я сейчас вернусь.

Сквозь отвратительные звуки, которые я издавала, мне было слышно, как Элиас встал и вышел из ванной. Я была благодарна ему за это и надеялась только, что вернется он не слишком скоро. Мне и без того было достаточно стыдно. Более чем достаточно.

Я нащупала кнопку смыва и надавила изо всех сил. Голова была такая тяжелая, что падала сама собой, и я прижалась щекой к краю унитаза. Все вокруг кружилось. Я закрыла глаза. Мне хотелось умереть.

Через некоторое время я услышала, что Элиас возвращается, его шаги приближались. Я хотела поднять руку и махнуть ему, чтобы он ушел, но рука не двигалась. Я медленно открыла глаза. Элиас сидел рядом со мной на полу, прислонившись к стене. В руках он держал толстовку, стакан воды и пузырек с лекарством. Толстовку он положил себе на колени, стакан воды поставил неподалеку и накапал в чайную ложку немного лекарства.

– Открой рот, – велел он.

Я подняла голову, в которой снова застучало, и открыла рот. Скривившись, проглотила горькое лекарство и взяла протянутый Элиасом стакан.

– Через пару минут твоему желудку станет лучше, – пообещал он.

Я прополоскала рот водой.

– Спасибо, – сказала я.

Он улыбнулся, и я спросила себя, почему он так добр со мной. После всего, что произошло сегодня вечером, я этого точно не заслужила.

– Я тебе принес кое-что переодеться, – сказал он и расправил толстовку. – Мы же не хотим, чтобы после сегодняшних водных процедур ты еще и простудилась.

В его лице мелькнуло что-то озорное. Присмотревшись к толстовке повнимательнее, я поняла, что его веселит. Толстовка была в светло-серую рябь, а на спине большими черными буквами значилось: «Элиас 01».

– Как ни смешно, все остальные вещи в стирке, – сказал он и пожал плечами.

– Надо же, какое совпадение, – хрипло ответила я, не сдержав слабой усмешки. Элиас такой Элиас. – Спасибо... Очень мило с твоей стороны, – пробормотала я, и он улыбнулся.

– Ну как, – спросил он осторожно, – тебе нужна помощь, чтобы переодеться... или справишься сама?

Я закусила нижнюю губу и взглянула на него. Весь вечер я бегала за ним по пятам – только для того, чтобы сбежать, словно истеричная девчонка, едва он попытался меня поцеловать. Несмотря на это, он хотел со мной поговорить, но я не нашла ничего лучше, чем оскорбить его и напиться в стельку. А потом, когда он собрался с духом и вот-вот готов был признаться в своих чувствах, я убежала блевать в сортир.

Что с того, что теперь он увидит меня в одном белье? Если бы мне не было так плохо и если бы одна мысль о том, что придется переодеваться самой, не приводила меня в ужас, я бы, может, и не согласилась. Но я только бросила на него пристыженный взгляд – и подняла руки над головой.

Глаза Элиаса расширились. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы вновь взять выражение своего лица под контроль. Он откашлялся.

– Не волнуйся, я притворюсь, что не смотрю.

– Очень тебя прошу, – сказала я.

Элиас наклонился, подцепил край моей футболки и аккуратно стянул ее через голову. Я тут же опустила руки, торопясь прикрыть грудь. Тем временем Элиас взял толстовку и помог мне влезть в нее. Ткань оказалась мягкой на ощупь. Едва почувствовав, как она коснулась кожи, я вновь припала щекой к ободку унитаза. Скорчившись, я прижала руки к животу, который сводило болезненными спазмами.

Дверь ванной была открыта нараспашку, в гостиной тихо играла «Аллилуйя» Джеффа Бакли. Судя по сочувствующему взгляду Элиаса, вид у меня был такой же кошмарный, как и самочувствие.

– Тебе очень худо, да? – спросил он.

Я кивнула, а он отбросил с моего лба мокрые пряди волос. Его глаза были похожи на бирюзовый океан. Я попыталась сосредоточиться на нем и не видеть больше ничего вокруг. До некоторой степени мне это удалось. Его пальцы гладили мой висок – чудесное ощущение.

– Зачем же все это, Эмили?

Я потупилась и пожала плечами.

– Неужели сама мысль о том, чтобы поцеловаться со мной, так ужасна, что ты упилась вусмерть?

Меня словно что-то ужалило в сердце. В первый раз его мягкий голос причинил мне боль.

– Вовсе... вовсе нет, – пробормотала я. – Мне очень жаль, я вела себя как дура.

– Но почему ты так себя вела? – тихо поинтересовался он. В его глазах я прочла самое ужасное для моей нечистой совести: он давно меня простил.

Бывают моменты, когда слов просто не хватает. Что бы я ему ни сказала, я бы даже близко не смогла выразить того, что чувствовала и хотела объяснить. Перестав корчиться, я подползла к нему и склонила голову ему на грудь. Страх, что он оттолкнет меня, оказался напрасным – в следующее мгновение он крепко обнял меня. Я подтянула ноги и вцепилась в него, уткнулась лицом ему под мышку и вдохнула знакомый запах. Он нежно поцеловал меня в макушку и потерся щекой о мои волосы. Никогда прежде в жизни я не чувствовала себя настолько защищенной.

Он гладил меня по плечу, по спине, терпеливо дожидаясь ответа.

– Потому что... потому что я боюсь... – прошептала я и сглотнула.

Он прижался ко мне еще теснее.

– Чего ты боишься, Эмили?

Потребовалось немало времени, прежде чем я смогла выговорить:

– Я боюсь... боюсь, что ты снова разобьешь мне сердце.

Я закрыла глаза и еще глубже спряталась в его подмышку.

Его губы коснулись моих волос, он зарылся в них лицом и тяжело дышал.

– Я сделал тебе тогда очень больно, да?

Его голос был слаб, а вопрос прозвучал скорее как утверждение. Я ничего не ответила. Воцарилась тишина.

– Я был тогда так глуп, – прошептал он. – Молод и очень глуп. Я ужасно жалею о том, что случилось, мой ангел. Если хочешь, я тебе все объясню. Все.

Я кивнула. Что бы он ни захотел мне объяснить, я всегда готова выслушать.

Он поцеловал меня в макушку.

– Вот и замечательно, – сказал он. – Я правда очень рад, что ты мне это сказала.

Я снова кивнула. Его рука скользила по моей спине, и по телу разливалось мягкое, приятное чувство. Я хотела забыть все, что было, как события далекого прошлого, так и происшествия сегодняшнего вечера. Просто быть с ним, чувствовать его, закрывать глаза, наслаждаться близостью. Молчать с ним и, несмотря на это, вести с ним тысячу безмолвных бесед.

Я надеялась, что это мгновение продлится подольше, и надежда моя оправдалась. Ни я, ни Элиас не делали ни малейшей попытки отстраниться.

Лекарство действительно помогло. Желудок успокоился. С усталостью, правда, я ничего не могла поделать, но какая разница, если на душе хорошо, словно витаешь в облаках.

– Знаешь, за что еще я так сильно тебя люблю? – спросил Элиас.

Я тихонько покачала головой.

– С одной стороны, ты очень сильная, а с другой – такая хрупкая, что тебя хочется защитить от всего мира.

У меня мурашки побежали по коже. Вообще-то я не люблю, когда мне лезут в душу. Чувствую себя при этом, словно стою голая. Но Элиас – человек, для которого я могла сделать исключение. Все время, что мы здесь сидели, я испытывала странное чувство – чувство, которого мне всегда недоставало в его присутствии. Доверие. Нежданно-негаданно оно пришло, как будто всегда было со мной.

– Я просто тряпка, – пробормотала я. Мне было стыдно.

Он тихо засмеялся.

– Не-ет, ты не тряпка, – возразил он.

Я отнюдь не была в этом уверена, но тут же обнаружила, что мне, пожалуй, нравится точка зрения Элиаса.

– Как твой живот? Лучше?

– Да, гораздо лучше.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Теперь я отнесу тебя в постель.

И прежде чем я смогла помешать, он сунул одну руку мне под спину, другую – под колени, осторожно приподнял меня и встал. Моя голова упала ему на грудь. Словно это не требовало от него никаких усилий, он отнес меня в спальню и положил на кровать. Отпустив меня, Элиас хотел выпрямиться, но я вцепилась в его футболку.

– Не уходи, – попросила я.

Он улыбнулся и остался стоять рядом.

– Я с удовольствием возле тебя посплю, Эмили. С преогромным удовольствием, – сказал он. – Но ведь когда ты проснешься завтра и обнаружишь, что у тебя провал в памяти – а я сильно этого опасаюсь, – ты же меня убьешь.

Я медленно выпустила его футболку. Девушка, которую он описал, мне совсем не понравилась. Иногда я не замечаю, как сильно раню других, защищая себя.

– Я ужасная, да?

– Нет, – сказал он – глаза у него сияли – и погладил меня по волосам. – Прежде всего ты прекрасная. Может, иногда бываешь несколько кровожадной, но только по отношению ко мне.

Раньше мой желудок перекручивала боль, а теперь я чувствовала, как там порхают бабочки.

– Но если ты хочешь, – продолжал он, – я полежу рядом, пока ты не заснешь.

– Было бы здорово, – прошептала я.

С улыбкой он отбросил волосы с моего лба, разул меня и укрыл одеялом.

– Принести тебе что-нибудь? – спросил он. – Всё, чего тебе только захочется, Эмили, только скажи.

Я подумала – и придумала.

– Не знаю... Может, шоколаду?

– Ты сейчас хочешь шоколаду?

Я опустила взгляд.

– Если не трудно...

Он медленно покачал головой и пробормотал мягко:

– Эмили, Эмили...

Он обошел кровать и открыл верхний ящик тумбочки. Покопавшись, достал плитку шоколада и протянул мне. Я взяла шоколадку и нахмурилась.

– Кто же держит шоколад в прикроватной тумбочке? – повторила я вопрос, который он задал мне несколькими неделями раньше, когда я рылась в его тумбочке в поисках сладкого.

– С тех пор как ты однажды его искала, он теперь всегда тут лежит.

Я не могла подобрать слов. Ну можно ли быть предупредительнее?..

– Если бы я не блевала полвечера, я бы тебя сейчас расцеловала, – объявила я.

Элиас засмеялся:

– Я тебе напомню об этом обещании.

Мое сердце забилось быстрее. Я отломил кусочек шоколадки и положила в рот. Элиас закрыл дверь и выключил свет. За окнами уже рассветало, комната тонула в светло-голубых сумерках. Тихими шагами он приблизился к кровати и забрался ко мне под одеяло. Я занервничала и сунула шоколадку куда-то в сторону. Она упала на пол.

– Ничего страшного, Эмили, пусть лежит, – сказал он.

Некоторое время Элиас лежал рядом и смотрел на меня, затем протянул руку. В его взгляде читался вопрос. Поколебавшись, я подползла поближе к нему и пристроила голову ему на плечо. Он поднял руку, провел большим пальцем по моей щеке, а тем временем другая его рука коснулась моей спины.

Честно говоря, я и сама не могла определить, где у меня мурашки побежали, а где нет. Все мое тело откликнулось на его прикосновения, и не только в тех местах, которые он трогал. Я придвинулась еще ближе – теперь между нами не было и лишнего сантиметра – и уткнулась Элиасу в шею. Мы лежали так близко, что я чувствовала, как соприкасаются наши животы. Наклонившись к моему лбу, он нежно коснулся его губами. Я вздохнула и прикрыла глаза, вслушиваясь в его спокойное дыхание. Есть ли более приятный способ отойти ко сну, чем в объятиях мужчины, по которому тоскует каждая клеточка тела?..

Меня одолевала усталость. Тело как будто стало легче, даже голова с каждым мгновением болела все меньше. Мысли расплывались, запах Элиаса обволакивал меня, словно вуаль, и мне хотелось закутаться в нее поуютнее...

– Эмили?

Меня словно что-то толкнуло.

– Эмили?

– М-м?

– Послушай, что я скажу. Всего пару слов. Осилишь?

– М-м-м.

– Если бы я, – начал он, замолк и начал заново: – Если бы я, скажем, сделал что-то очень глупое... по совершенно нелепой причине... но за прошедшее время мои мотивы поменялись бы... ты хотела бы об этом знать?

Единственное, чего я хотела, – это сон...

– Ты слушаешь, Эмили?

– М-м-м.

– И что скажешь?

– Не знаю.

– Эмили, это правда важно.

Я вздохнула и потерлась лицом о его шею.

– Без понятия... Может, я бы рассердилась?

Он ответил не сразу.

– Наверное, – наконец тихо проговорил он.

Что-то подсказывало мне, что к его намекам стоит прислушаться, но мне совершенно не хотелось так напрягаться. Мои чувства были слишком прекрасны, слишком необычны – я не могла их выдать. Они принадлежали только мне.

– Тогда лучше мне сейчас об этом не говори, Элиас.

– Окей, – ответил он.

Я погладила его по спине. Было бы обидно, проснувшись, не обнаружить его рядом. Пусть останется со мной.

– Элиас?

– М-м?

– Поспи рядом со мной. Давай утром проснемся вместе.

По его дыханию я слышала, что он слегка улыбнулся.

– Ты такая милая, – сказал он. – Я и так сомневаюсь, что смогу от тебя уйти.

– Вот и не уходи. Остайся со мной.

Элиас придвинулся еще ближе.

– С большим удовольствием, ангел мой, – прошептал он. – Обещаешь, что постараться запомнить хотя бы одну вещь?

Я настолько устала, что его голос доносился из какого-то невозможного далека – словно я могла дотянуться до него только кончиками пальцев.

– Обещаю.

Он прижался губами к моему лбу и замер – казалось, на целую вечность.

– Я люблю тебя, Эмили.

Во мне все разом зашумело и тут же смолкло – воцарилась тишина, которую я никогда раньше не слышала по-настоящему. Тишина, которую я могла осязать, которую могла попробовать на язык, которую воспринимала всеми органами чувств. Я улыбнулась. Интересно, это чудесный сон или явь?

– Я тоже тебя люблю, – шепнула я и прижалась к нему. Наверное, все-таки сон. Реальность не может быть так чудесна.

– Хороших снов, Эмили, до завтра, – шепнул он мне на ухо нежно, с любовью. Я слышала, что на губах у него та же улыбка, что и у меня. Я заснула счастливая, как никогда в жизни.

Глава 4

Провалы в памяти

О-ох.

Моя голова.

Ощущение было такое, будто кто-то обработал ее пневматическим молотом – и кто бы это ни был, усилий он не пожалел. Все суставы ломило, руки и ноги налились свинцом, а горящее горло пересохло настолько, что я могла бы выхлебать целое озеро, только бы утолить жажду.

Может, у меня грипп?

Я застонала и заворочалась в постели. Я не могла понять, почему же мне так плохо. Сомкнутые веки не защищали меня от солнечного света, назойливое сияние резало глаза, струясь сквозь тонкую кожу. Издалека донесся шипящий звук, который я никак не могла узнать.

Может, ночью меня переехал каток?

Я перевернулась на спину и моргнула. Яркий солнечный свет ослепил меня, пронзительная боль молнией сверкнула в голове, и я вновь зажмурилась.

– Эмили? – позвал голос.

Не уверена, но, возможно, обращаются ко мне. По крайней мере это имя вроде бы имеет ко мне какое-то отношение. Когда-то я его слышала.

Я опять моргнула, и в этот раз стойко перенесла боль, которая опять пронзила меня. Все вокруг расплывалось, очертания предметов медленно выступали из светлой дымки. Кто-то сидел на кровати. Кто-то большой. Похоже, мужчина. Со светло-каштановыми волосами. Где-то когда-то я этого типа уже видела... Чем отчетливее вырисовывался его силуэт, тем настойчивее становилось ощущение дежавю. Вне всякого сомнения, мне знакомо это симпатичное лицо. И вдруг меня озарило: это же лицо Элиаса! Вид у него был выжидающий и в то же время настороженный. В руках он держал стакан воды, в котором шипела растворимая таблетка. Так вот что за шипение я слышала!

Но что Элиас делает в моей комнате?

Я огляделась по сторонам и обнаружила, что обстановка комнаты кардинально отличается от той, которая обычно ожидала меня при пробуждении. Я приподнялась на локте. Где я, черт возьми?

– Ты у меня, – сказал Элиас.

А как я, черт возьми, здесь оказалась?

Казалось, он опять прочел вопрос по моему лицу: задать я его не успела, а ответ получила:

– Ты вчера несколько... перебрала. Поэтому я отвез тебя к себе. – Он слегка наклонил голову, но выражение его глаз не изменилось.

Перебрала? Погодите – перебрала, а на следующий день просыпаюсь в постели Элиаса? В приступе ужаса я приподняла одеяло. Одежда на мне. Я облегченно выдохнула.

– Не бойся, – усмехнулся он. – Мне пришлось нелегко, но я мужественно держался.

Я потерла ладонями лицо.

– В каком... в каком смысле «перебрала»?

Постепенно я понимала, каково приходится людям, которых постигла амнезия. Я помнила, что было позавчера, позапозавчера и даже еще день назад – но вместо вчерашнего дня в моей памяти зияла черная воронка.

– На хэллоуинской вечеринке, – поколебавшись, ответил он.

На хэллоуинской вечеринке, пронеслось у меня в голове. Эти слова пробудили какие-то неприятные ощущения.

Элиас нерешительно взглянул в мои расширенные от потрясения глаза и, кажется, догадался, что задел какой-то рычажок в моей голове. Воспоминания посыпались одно за другим. Футболка с надписью *Bite Me...* Элиас-вампир... Моя безнадежная охота...

– О боже! – взвизгнула я и зажала рот рукой. В этот миг я предпочла бы оказаться в любой точке планеты, только не здесь. Избрав страусиную тактику, я натянула одеяло на голову.

«Ты некоторое время назад даже в туалет меня проводила».

Я зарылась под одеяло еще глубже.

Почти-поцелуй... Ворвавшаяся Алекс... Мое постыдное бегство... Мое идиотское поведение, когда Элиас хотел со мной поговорить...

Я потрясла головой. Все эти воспоминания были такими живыми и яркими, словно повторялись наяву. Силы небесные, можно ли как-нибудь стереть этот вечер, словно его никогда и не было?

Когда я уже готова была вконец отчаяться, обрушившийся на меня шквал воспоминаний пошел на спад. Образы стали более размытыми. Вероятно, виной тому неумеренное потребление алкоголя – ведь после ссоры с Элиасом я пустилась во все тяжкие. В памяти всплывали только отдельные сцены – чудовищные сцены!

Как я прикинула к груди Элиаса, а он меня оттолкнул...

Зачем я это сделала? Жалобный стон вырвался из моей груди, и я ощутила острое желание умереть на месте.

– Все было не настолько плохо. – Голос Элиаса глухо доносился сквозь одеяло. Очевидно, это была попытка меня утешить. Но она безнадежно провалилась.

Посреди улицы я повисла у него на шее...

О нет, о нет, о нет, о нет. Хватит!

«Поверь мне, детка, когда надо, почувствуешь. – Круть! Ты меня возбуждаешь».

А-А-А-А!

Когда он помог мне выбраться из машины, я к нему прижалась. А когда он тащил меня вверх по лестнице, я его чуть не задушила...

О господи. Хватит, умоляю, хватит!

«Обливашки!» – взорвалось в голове.

Кто-нибудь, пожалуйста, прибейте меня.

«Уложу-ка я тебя лучше спать». – «Ты п... по... понесешь меня?»

Я впилась зубами в одеяло и еще сильнее затрясла головой. Но воспоминания не желали оставлять меня в покое. И, как оказалось, самое ужасное было еще впереди. Перед внутренним взором пронеслась картина: я расстегиваю на Элиасе ремень. Я чуть не раздела его. Я чуть не раздела Элиаса Шварца.

Мои стоны затихали. Где мгновенная смерть, когда она так нужна?

Матрас заколыхался, и я услышала голос Элиаса.

– Ладно, – сказал он. – Кажется, в моем присутствии тебе еще хуже. Насколько я тебя знаю, тебе сейчас лучше побыть одной и в спокойной обстановке предаться мыслям о том, как хорошо было бы умереть. Конечно, не хотелось бы лишать тебя надежды, Эмили, но должен огорчить: тебе еще жить и жить.

Раздался неясный шорох.

– Я поставил стакан с аспирином на тумбочку, а теперь исполню хотя бы первое твое желание: уйду. Когда успокоишься, приходи на кухню. Я буду смеяться или отпускать дурацкие шутки. Обещаю. Ничего ужасного не произошло. Возможно, тебе трудно это себе представить, но, на мой взгляд, ты вчера была весьма мила.

Мила? Что в таком случае Элиас подразумевает под словом «мила»?

– Если хочешь принять душ и освежиться, – продолжал он, – пожалуйста. В ванной я повесил еще одно полотенце, а все остальное найдешь в шкафчике. Всё ясно? – терпеливо спросил Элиас.

Но я не могла ответить – мне было слишком стыдно. Больше всего на свете мне хотелось никогда больше не попадаться ему на глаза. Однако это было довольно затруднительно, так как находилась я в его квартире. Может, мне удастся потихоньку выбраться через окно?

Какой-какой у него этаж? Пятый?

Вот непруха.

– Ясно? – спросил он еще раз.

Я не смогла выдавить ничего, кроме «м-м-м», и понадеялась, что теперь-то он уберется – как можно быстрее и как можно дальше. И тут же почувствовала, как он положил руку на одеяло и погладил меня через него.

– Правда, все было не так уж плохо, – сказал он. – Страдать не из-за чего.

Я от всей души хотела ему поверить, но не могла. Я слышала, как он двинулся к двери, раздались шуршание и щелчок – дверь закрылась, – и его шаги зазвучали в коридоре. Я прислушивалась к ним, пока они не затихли. Ушел.

Я глубоко вздохнула.

Но воспоминания никуда не делись.

Он отстранился, когда я расстегнула ремень, и спросил, что это значит...

После этой драматической сцены что-то опять щелкнуло в голове. Густой туман рассеялся, мысли прояснились, и я отчетливо, в деталях вспомнила все, что было после. Гнев в глазах Элиаса, когда я предположила, что он только за этим привез меня к себе... Его признание, что я ему больше чем нравлюсь... Испуг на его лице, когда я зажала рот рукой и пронеслась мимо него в ванную.

Я блевала у него на глазах.

Он меня раздевал.

Я сжалась в комок в тщетной надежде, что силой моих молитв земля разверзнется и наконец меня поглотит. Когда я уже начала находить некоторые преимущества в пребывании на пятом этаже и идея прыгнуть из окна перестала казаться такой уж абсурдной, произошло нечто неожиданное. Словно я листала альбом, в котором одна фотография была кошмарнее другой, и вдруг открылась новая страница, и с нее все пошло иначе. Внезапно воспоминания стали... приятными.

Мы сидели в ванной. Держались за руки. Я призналась ему, почему так глупо себя вела, и он выслушал мое признание. Он отнес меня в постель. Я чувствовала его губы на своем лбу. А потом... потом он сказал, что любит меня.

На мгновение вокруг меня все стихло.

Простое, бесхитростное признание – каждый день подобные фразы миллион раз бросают на ветер, сорят ими. А ведь в этих трех словах заключено такое грандиозное значение, которое меняет все раз и навсегда.

«Я люблю тебя, Эмили».

По всему телу побежали мурашки. В груди потеплело. Элиас любит меня...

Я осмелилась немного приспустить одеяло – может, на целый сантиметр – и выглянула из-под него. Я собственными ушами слышала, как Элиас вышел из комнаты, а теперь мне хотелось, чтобы уши меня обманули. Но, увы, ошибки не было. Я посмотрела на то место, где он сидел, и почувствовала, как душу наполняет раскаяние. Возможно, я была к нему несколько несправедлива в последние месяцы. Если бы он действительно хотел только одного, прошлой ночью он не упустил бы своего шанса. Или?..

Я выползла из-под одеяла и положила голову на подушку. Наволочка хранила его запах. Я улыбнулась.

«Я люблю тебя, Эмили».

Закрыв глаза, я вспоминала, как мы вчера лежали на кровати и держались за руки. Сосредоточившись на воспоминании, я почти смогла это вновь почувствовать...

Вдруг я распахнула глаза. Секундочку! А кто, собственно, мне сказал, что все это действительно произошло? Может, я заснула в проклятом сортире, а все остальное насочиняло мое подсознание?

Это предположение мне категорически не понравилось. Но, к сожалению, нельзя было не признать, что оно не лишено правдоподобия. Я растерялась. Как, скажите на милость, теперь выяснить, что произошло на самом деле, а что только почудилось?

Внезапно мне вспомнилось, как Элиас меня переодевал. Я бросила взгляд вниз и узнала светло-серую толстовку с капюшоном, которая совершенно точно мне не принадлежала. Я потянула за ткань на плече и увидела верх принта, напечатанного на спине. «Элиас 01». Я усмехнулась. Дурак.

Итак, найдена улика номер один. Что еще? Шоколад, пронеслось в моей голове. Я выпрямилась и огляделась, затем свесилась вниз головой, чтобы посмотреть под кроватью, и чуть не грохнулась на пол. Кроме тонкого слоя пыли и упаковки бумажных платочков, я, увы, ничего не нашла. Бумажные платочки под кроватью... Я потрясла головой. Лучше об этом даже не думать! Но не закатить глаза я не могла. Мужчины...

Вздыхнув, я спросила себя: мог ли Элиас подобрать шоколадку и убрать на место? Верхний ящик тумбочки немного заедал, но, подвигав туда-сюда, я все-таки открыла его – и правда, там лежала вчерашняя надломленная шоколадка и улыбалась мне. Я не могла не улыбнуться ей в ответ.

Итак, все это было. Мы действительно заснули вместе – всё это мне не привиделось. Но как насчет признания в любви? К тому моменту я настолько устала, что теперь вряд ли могла доверять своим воспоминаниям. Он правда это сказал? Моя голова порой горазда на выдумки.

Я тяжело вздохнула и упала обратно на кровать. Разве возможно, чтобы он вообще испытывал подобные чувства? Чтобы Элиас, человек, который с давних пор так много для меня значил, влюбился в меня по второму разу?

Я потерла лицо ладонями. Голова шла кругом. Все так запутанно. Но валяться здесь дальше и предаваться переживаниям явно не имело смысла. Я осторожно села, намереваясь выпить аспирина. Голова отблагодарила меня на свой манер – в ней назойливо застучало. Крепко зажмурившись, я проглотила солоноватую жидкость, поставила стакан на тумбочку и выбралась из постели. Влезла в кроссовки, стоявшие рядом, и, держась за голову, на свинцовых ногах прошаркала через комнату. Тише мышки открыла дверь и высунулась в коридор. Я боялась самого ужасного: как бы Алекс не увидела, что я с утра выхожу из комнаты Элиаса. Но путь оказался свободен, и я быстро прошмыгнула в ванную, которая находилась как раз напротив. Закрыв за собой дверь, я первым делом рванулась к крану и выпила литров пять воды. После чего оперлась на раковину и совершила чудовищную ошибку: посмотрела в зеркало.

Кожа белая как мел, под глазами глубокие черные тени, на голове воронье гнездо, словно я ночь напролет просидела под тепловой пушкой. На лбу ссадина. Я потрогала ее, но при всем желании не могла вспомнить, где и как поцарапалась. Очень похоже, что по крайней мере одно неприятное воспоминание память от меня милосердно утаила.

Я вздохнула и плеснула в лицо холодной воды – в надежде, что она хоть немного меня взбодрит. Но ожидаемого эффекта не достигла: я по-прежнему чувствовала себя ходячим мертвецом. Видимо, пора бросить жалкие попытки что-то исправить. Я промокнула лицо и

открыла шкафчик над раковиной. Найдя зубную щетку, я быстро вытащила ее из пластиковой упаковки – дожидаться не могла, когда наконец избавлюсь от омерзительного алкогольного привкуса во рту.

Алкоголь... При одной мысли о выпивке я содрогнулась. И принялась чистить зубы с удвоенной энергией. Мой рот еще был полон пасты, когда взгляд упал на душ. Больше всего мне захотелось немедленно туда залезть, но, наверное, с этим стоило повременить до дома.

Почистив зубы, я попыталась причесаться щеткой Алекс и вздрогнула, коснувшись какого-то места, которое отозвалось на прикосновение болью. Нахмурившись, я ощупала голову и нашла небольшую шишку. Шишку? Так, ладно. Судя по всему, милосердная память утаила от меня уже два неприятных воспоминания.

Я продолжила расчесывать волосы с несколько большей осторожностью, однако вскоре поняла, что это пустая трата времени. Все равно я по-прежнему напоминала взорвавшуюся швабру. Недолго думая, я схватила резинку Алекс и собрала непокорные волосы на макушке.

Элиас наверняка захочет, чтобы я вернула ему толстовку. Неплохо бы найти свою футболку. Я огляделась, но тщетно: очевидно, он ее куда-то убрал.

Элиас.

При мысли о нем неприятное чувство в животе усилилось. Сейчас придется ему показаться. Может, лучше вернуться в постель и, скажем, проспять еще три-четыре дня? Этот план мне очень понравился – но потом я опять расстроилась: какая же я все-таки тряпка! Ведь я сама виновата во всех своих бедах – зачем я так напилась? После соответствующего опыта, приобретенного в мой восемнадцатый день рождения, я могла бы стать благоразумнее. Как ни рви на себе волосы, всю вчерашнюю кашу я заварила сама. А теперь хлебаю ее полными ложками.

Целых пять минут я смотрела на дверную ручку, словно она была покрыта слоем бактерий сибирской язвы. Наконец сделала глубокий вдох, повернула ручку и вышла в коридор. С каждым шагом я приближалась к логову льва. В моем случае логовом была кухня.

За три-четыре метра до порога я увидела Элиаса и остановилась. Он стоял, скрестив руки и привалившись к кухонной стойке, и смотрел вниз. Пока до меня доходило, что это мой последний шанс развернуться и уйти, он поднял голову и заметил меня. Его глаза округлились.

Ведя ожесточенную внутреннюю борьбу, я двинулась вперед. Сердце колотилось в горле, и я тщетно пыталась понять что-либо по лицу Элиаса. Он улыбался немного насмешливо, но в остальном выглядел не таким высокомерным, как обычно.

Я остановилась на некотором расстоянии от него. Сунула руки в карманы джинсов и опустила взгляд на собственные ноги. Вау, какой интересный ламинат, узор на досках и так далее...

Будет очень неприлично, если я сейчас разгонюсь от нуля до ста и рвану к двери?

Наверное, очень.

– Ну как? – спросил Элиас.

Я втянула голову в плечи.

– Ну так... – пробормотала я.

– Тяжелое похмелье?

– Ты случайно не видел, из твоей комнаты не выезжал каток?..

Он улыбался.

– Увы, нет.

– Жаль, – отозвалась я. – Мне нужно с ним расквитаться.

Что за чушь я несу?

На кухне повисло молчание, и я судорожно пыталась придумать, что еще можно сказать. Но ничего достойного на ум не шло.

– Хочешь кофе? – спросил Элиас. – Или, может быть, что-нибудь перекусить?

Я покачала головой и засунула руки еще глубже в карманы.

– Спасибо, но в желудке у меня до сих пор довольно скверно.

О боже, бегом отсюда. Или пусть обнимет меня. Одно из двух. Невыносимо стоять друг перед дружкой и мямлить какую-то ерунду. Обычно Элиас всегда смотрел мне в глаза, но сегодня его взгляд лишь изредка скользил по моему лицу. И вдруг – задержался на лбу. Царапина, вспомнила я.

– Можно узнать, где я поцарапалась? – спросила я.

Губы Элиаса расплылись в усмешке – и это само по себе уже было ответом.

– Ты не помнишь мсье Кусто?

– Мсье Кусто?

Он кивнул.

– Ладно, – сказала я, – пожалуй, я не хочу об этом знать.

Он тихо рассмеялся, но его мелодичный смех смолк быстрее, чем обычно. Снова тишина.

– Ты вообще ничего не помнишь? – поинтересовался он после паузы, отводя глаза. – Или что-то все-таки осталось от вчерашнего вечера?

Я почувствовала, как загорелись щеки.

– Ты имеешь в виду все прочие мои позорные выходки? Например, как я блевала у тебя на глазах?

Я сама содрогнулась от собственных слов. Даже мысль об этом вызывала отвращение.

– К примеру, – произнес он с усмешкой.

– Ты имеешь полное право припоминать мне это до конца жизни.

– Не бойся, я совершенно не собираюсь этого делать.

– Но я заслужила, – сказала я и вновь принялась разглядывать чрезвычайно интересный ламинат. Надо же, правду говорят, что каждое колечко на дереве не похоже на другое. Поразительно.

– Будет тебе. Если можно блевать эстетично, поверь – тебе это удалось.

Уголок его губ пополз вверх. Я попыталась выдавить ответную улыбку, но не смогла.

– Честное слово, Эмили, – добавил он, – ты самая очаровательная пьянчужка на свете.

Похоже, Элиас как-то по-своему понимал не только слово «милый», но и слово «очаровательный». И все равно я покраснела. Я принялась натягивать рукава толстовки на кисти рук, а потом поддергивать обратно. Туда-обратно семь раз подряд. Когда я наконец осмелилась поднять взгляд на Элиаса, он как раз открыл рот, словно хотел что-то сказать – но снова закрыл, ни слова не вымолвив.

– Что? – осведомилась я. Вопрос сорвался с губ непроизвольно, и я сама тут же ужаснулась.

– Ничего. Просто... – Он замолк.

– Что просто?

Теперь он проделывал те же фокусы с рукавами.

– Мне просто интересно знать, помнишь ли ты, что было дальше.

Несколько секунд я просто смотрела на него. В глубине души я все время надеялась, что он заговорит об этом, но теперь, когда решительный миг настал, я поняла, что не готова.

«Обещаешь, что постараться запомнить хотя бы одну вещь?» Его голос отдавался в голове. Эти слова он сказал минувшей ночью. Или мне все приснилось?

Не знаю, что на меня нашло, но, когда я взглянула в его глаза, которые так доверчиво смотрели на меня, все получилось как-то само собой. Я неуверенно кивнула и понаде-

ялась, что Элиас распознал в этом движении кивок. Но какова будет его реакция, мне узнать не довелось. Наше внимание отвлек шум, раздавшийся на лестничной площадке. Что это? Словно за дверью кто-то уронил связку ключей.

– Блин, – выругалась Алекс.

Алекс.

Алекс!

Мы в ужасе переглянулись. Если Алекс застанет меня здесь, наутро после богатой на возлияния ночи, в толстовке Элиаса... О господи, не думать об этом, не думать! Мы замерли, глядя друг на друга. Что делать? Не можем же мы просто стоять и ждать! Я не могу просто стоять и ждать!

Но спасительного озарения я не дождалась, а дождалась нового звука у двери. Он подозрительно напоминал скрежет ключа, который вставили в замок.

Нас охватила паника. Словно сумасшедшие, мы начали отчаянно жестикулировать и мотать головами. «Сделай что-нибудь, сделай же что-нибудь!» – кричало все во мне. Но он ничего не сделал. И тогда сделала я – первое, что взбрело в голову. В последний момент, когда дверь уже тихо щелкнула, я молнией метнулась в прихожую и вжалась в стену позади двери. Элиас тотчас же понял мой замысел и выскочил на середину прихожей, чтобы сразу перехватить Алекс. Едва дверь приоткрылась, он порывисто вскричал:

– Сестренка!

Я еще сильнее вжалась в стену, приподнялась на цыпочки, затаила дыхание и молилась, чтобы меня не пришибло дверью.

В паре сантиметров от моих ног дверь остановилась. Я беззвучно выдохнула.

– Ты пришла! Я думал, ты будешь гораздо позже! – воскликнул Элиас, подскочил к сестре и бросился ей на шею. Я выглянула из-за двери и увидела, что Элиас за спиной у Алекс всеми возможными способами указывает мне на лестницу.

– Какая муха тебя укусила? – удивилась Алекс.

Элиас еще крепче стиснул ее в объятиях.

– Уж и соскучиться по тебе нельзя?

Это был мой единственный шанс. Я выскользнула из-за двери – настолько быстро и тихо, насколько вообще возможно, – на долю секунды подняла руку, чтобы махнуть Элиасу на прощание, и прошмыгнула на лестницу. Только когда я незамеченной спустилась на четвертый этаж, я снова отважилась дышать. Боже, нас чуть не застучали! Все еще пребывая в некотором адреналиновом шоке, я выбралась на улицу и издалека увидела, как подъезжает мой автобус. Проклиная берлинский общественный транспорт, я взяла ноги в руки и бегом кинулась к остановке. В последнюю секунду я вскочила на подножку и вломилась в двери. Рухнула на первое попавшееся сиденье. Раскалывающаяся от боли голова коснулась прохладного оконного стекла. Мне хотелось только одного: поскорее оказаться в своей кровати.

* * *

Пятнадцать минут спустя я стояла перед дверью своей комнаты – и в шаге от мечты. Когда я вошла, Ева, сидевшая по-турецки на кровати и листавшая модный журнал, подняла голову.

– Привет, – сказала я, уперлась рукой в стену и стала стаскивать обувь.

– Приветик. Похоже, вечеринка прошла отлично, раз ты только сейчас вернулась домой.

– Да, неплохо. Я ночевала у Алекс, – отозвалась я. Протопала напрямик к кровати и забралась под одеяло.

– У Алекс, вот оно что. Ну-ну.

Тон у нее был странный. Я подозрительно посмотрела на нее.

– Ну да, а что?

– Да нет, ничего, – сказала она и вновь уткнулась в журнал. – Толстовка с надписью «Элиас 01» тоже от Алекс, да?

Проклятье. О толстовке я напрочь забыла.

– Он одолжил мне эту толстовку сегодня утром, – быстро сказала я.

– Одолжил, значит. Сегодня утром. Ну-ну.

– Почему ты постоянно говоришь «ну-ну»?

– Да просто ну-ну.

Тихонько зарывчав, я опустила голову на подушку. Если мне не удастся провести даже Еву, то кого вообще удастся?

Со вздохом я вытащила из кармана джинсов телефон. Прежде чем завалиться спать, нужно было сделать еще кое-что.

От: Эмили

Ты все еще дуешься? Мне правда жаль, извини за вчерашнее.

От: Алекс

Пустяки, дорогая, благодаря тебе у меня был лучший секс в жизни. Как я могу на тебя злиться? Вот уж точно нет ничего лучше примирительного секса.

От: Эмили

Может быть. Впрочем, для меня это явно лишняя информация. Но я рада, что ты больше не дуешься.

От: Алекс

Я нехорошо вчера сделала, что накричала на тебя на глазах у всех. Я вела себя как истеричная овца. Мне очень жаль. Может, пересечемся на днях, в спокойной обстановке выпьем кофе и поболтаем?

Лучше всего во вторник, то есть послезавтра. Можем позавтракать вместе.

Я понятия не имела, как отнестись к этому предложению, но все же полезла в ежедневник и обнаружила, что во вторник между десятью утра и двумя часами дня у меня как раз есть окно. Однако большой радости я не испытала – можно себе представить, какой град вопросов обрушит на меня Алекс.

Еще никогда и ни с кем я не обсуждала мои чувства к Элиасу. Это была моя тайна, которую я ревностно хранила и никому не доверяла.

Возможно, во всей моей жизни нет ничего более сокровенного.

А когда что-то оберегаешь столь трепетно и долго, не так-то просто вдруг взять и во всем признаться как на духу.

С другой стороны, если Элиас действительно меня любит, оснований скрывать свои чувства больше нет...

Элиас меня любит.

То есть... то есть я так думаю, хотя и не уверена до конца.

Странная мысль.

Я шумно выдохнула и после долгих колебаний написала Алекс.

От: Эмили

Окей, давай в 11.30. С меня булочки.

От: Алекс

Да, в полдвенадцатого супер. Как тебе вчерашняя вечеринка?

От: Эмили

Выпивки много, а Эмили одна. Но твой брат подбросил меня до дома и не дал мне пропасть. Передашь ему спасибо? Я вчера как-то не удосужилась поблагодарить его.

От: Алекс

Настолько надралась? Я заинтригована: какие меня во вторник ожидают признания? Конечно, я передам Элиасу. Ты точно не хочешь сказать ему всё сама?

От: Эмили

Сперва ты меня чуть не убила, когда застукала с ним, а теперь сводничаешь – непостижимо. Нет уж, скажи ты.

От: Алекс

Ладно, как хочешь. Передам. До вторника! Счастливо!

Я отложила телефон на тумбочку и закуталась в свое уютное одеялко. Нужно было наверстать полночи без сна, и с каждой секундой эта потребность становилась все более настоящей. Я ласково коснулась толстовки – его толстовки – и вдохнула. Она до сих пор хранила его запах. Я закрыла глаза и вскоре заснула с улыбкой на губах.

* * *

Когда я открыла глаза, в комнате было темным-темно. Меня разбудила ужасная жажда. Я включила ночник и, щурясь спросонок, так как глаза не сразу привыкли к свету, стала искать на полу бутылку воды. Нашупав искомое, я села прямо и влила в себя по меньшей мере литр.

Пытаясь отдышаться – пила я не отрываясь, – отставила бутылку и ощутила, как в животе плещется вода. Но в остальном мое самочувствие значительно улучшилось. Даже чудовищная головная боль утихла.

Ева уже спала – из ее постели доносилось мерное сопение. Сколько же времени? Я бросила взгляд на будильник: тот показывал два часа ночи. Два часа ночи? Я проспала десять часов подряд.

Устало протирая глаза, я с улыбкой перебирала в памяти события вчерашнего вечера, но поморщилась, вспомнив, как блевала на глазах у Элиаса.

Поскорее прогнав это воспоминание, я вылезла из постели. Я еще утром мечтала о душе, а сейчас уже сама себе была неприятна. Скользнув к шкафу и вытащив чистую одежду, я тихонько прикрыла за собой дверь в ванную. Из душа полилась теплая вода – какое наслаждение! Закрыв глаза, я стояла под ласковыми струями, грезил наяву и никак не могла заставить себя завернуть кран. Только мысль о счете за воду наконец вынудила меня завершить процедуру. Я переоделась, но даже не подумала отправить в стирку толстовку Элиаса – и натянула ее вновь.

Выйдя из ванной, я почувствовала себя новым человеком. Ну, то есть новым человеком, у которого вчера был кошмарный вечер. Интересно, чем Элиас сейчас занят? Может, уже спит?

Я босиком прошлепала к кровати и взяла телефон. Вдруг пропущенный вызов? Или сообщение от него? Нет, ничего. Воодушевления как не бывало, я отшвырнула телефон. Почему-то я готова была побиться об заклад, что он объявится. Почему же он опять молчит?

«Эмили, а тебе не приходило в голову, что я жду, чтобы ты мне написала или позвонила?»

Может, он и в этот раз ждет? Если оглянуться на минувшие месяцы, явно пришла моя очередь.

Моя бы воля, я бы ему тут же позвонила – просто чтобы услышать его голос. Но я, как всегда, трусила, да к тому же он, вероятно, уже спит. Будить его я не хотела.

Я улеглась на кровать, намереваясь хотя бы отправить ему сообщение. Единственная загвоздка: я понятия не имела, что писать.

Ну, то есть как: в голове теснились тысячи слов, которые я хотела бы ему сказать. Но эти слова я не готова была вот так взять и написать. Прошло пять минут, а я все еще смотрела на экран мобильного, не придумав ничего, кроме жалкого «Ну что?». Тогда мой взгляд стал блуждать по комнате и остановился на тонкой белой коробочке, прислоненной к моему ночнику. Нахмурившись, я осторожно взяла ее в руки. «Для Эмили», – значилось на ней красивым почерком. И больше ничего. Что это? И откуда?

Сверху был маленький язычок, с помощью которого коробочка открывалась. Я потянула за него и обнаружила внутри белый пластиковый пакетик для CD-диска. Покрутила его так и смяла, но ни спереди, ни сзади не нашла никакой надписи. Я еще раз заглянула в коробочку, но и там было пусто – никакой поясняющей записки к диску не прилагалось.

Я провела пальцем по собственному имени, выведенному красивыми буквами. Почерк не Евы. Но кто еще мог зайти к нам в комнату?

Медленно я открыла белый пакетик: внутри, как и следовало ожидать, лежал CD-диск. Белые буквы на черном фоне вновь гласили: «Для Эмили». И всё. Еще пару минут я вертела коробочку в руках, разглядывала ее со всех сторон и в конце концов поняла, что ждать до завтра – выше моих сил. Спрыгнув с кровати, я бросилась к соседке.

– Ева! – позвала я и потрясла ее за плечо. Но в ответ она только всхрипнула.

Я вздохнула и потрясла сильнее. На этот раз ответом мне было тихое недовольное ворчание.

– Ева?

– Чё надо? – пробормотала она и хотела натянуть одеяло на голову. Но я была готова к этому и крепко вцепилась в пододеяльник.

– Можешь спать дальше, – сказала я, – только скажи, откуда взялся диск.

Она застонала.

– Не знаю ни о каком диске.

– Маленькая белая коробочка, – подсказала я.

– Коробочка? А-а... да.

– От кого она?

– От кого, от кого, от хахаля твоего.

– Что?

– Ну, от Элиаса.

– От Элиаса?

– Ты плохо понимаешь по-немецки?

– Да нет, просто никак не возьму в толк, – пробормотала я. – Элиас был здесь? Когда и как и...

Она перебила меня:

– Он пришел, пока ты спала, и сунул мне в руки коробочку. Что тут непонятного? Можно мне спать дальше?

Погодите. Можно еще раз и помедленнее?

– Давай-ка еще разок, под запись: Элиас приходил, пока я спала?

Ева снова застонала.

– Ну что я, по-китайски говорю?

– Ладно, ладно, – заторопилась я. – Когда это было? Во сколько?

– Точно не вспомню... вечером. Разве это важно?..

Да она понятия не имеет, что важно и что не важно! Ни малейшего!

– Почему же ты меня не разбудила? – с упреком спросила я.

– Он сказал, что не стоит тебя будить. Попросил отдать тебе коробку, когда ты проснешься.

Как мило...

– Что он еще сказал?

– Господи, Эмили, да ничего! Я все тебе передала. Пришел и ушел. Может, ты наконец смилостивись и дашь мне поспать?

Я закатила глаза.

– Так и быть, – пробормотала я и нехотя оставила ее в покое. Я только успела вернуться на свою кровать, а она уже снова засопела. Это просто непостижимо для человека вроде меня, который обычно полночи не спит.

Я схватила CD-плеер, вставила в него диск и надела наушники. Дисплей показал: тринадцать песен. Взбив подушку, я устроилась поудобнее и нажала на play.

№ 1. Дэмиан Марли, Стивен Марли и Кэптон – «И было сказано»

Мне не понадобилось смотреть на дисплей – я узнала песню с первых нот. Одна из моих любимых композиций. До сих пор помню, как удивилась, когда мы с Элиасом однажды ехали в клуб и она заиграла из динамиков «Мустанга».

Неужели Элиас тоже помнит эту поездку? Или это просто случайность и песня оказалась на диске, потому что нравится ему?

Эпизоды того давнего вечера всплывали в памяти один за другим. На мне был топ с открытыми плечами, который Алекс сшила сама, и мне вовек не забыть, как Элиас сказал: «В нем твоя грудь кажется больше».

Вот засранец.

№ 2. Шон Пол – «Займись»

Я прикрыла глаза рукой. Но хотела я того или нет, картинка неумолимо восстала перед моим внутренним взором! Алекс сексуально танцует, а рядом топчусь я – далеко не так сексуально, скорее напоминаю пляшущего пингвинчика, – и мы вместе выделяем под эту музыку движения, от которых потом болели все мышцы. Слишком поздно я заметила, что Элиас за нами наблюдает. Не потанцую ли я с ним так же, спросил он – дескать, для этого прекрасно подойдет его машина.

Усмехнувшись, я решила, что при случае спрошу, справился ли он тогда соло.

№ 3. «Оришаз» – «Представляя Кубу»

Еще одна знакомая песня. Но тут пришлось крепко задуматься – как же она связана с Элиасом?.. И вдруг меня осенило. Это было в «Пурпурной дымке». В тот вечер один и тот же альбом крутили по кругу. Элиас без предупреждения появился ко мне на работу и до конца смены болтался рядом. Не намеренно, конечно же. Тем не менее это был один из лучших вечеров в моей жизни. Я выиграла спор, и меня пустили за руль «Мустанга». Как он был бледен, как цеплялся за сиденье... Я усмехнулась.

№ 4. Блейк «Блэкстоун» Нили – «Он – пират»

Саундтрек к «Пиратам Карибского моря». На целых две секунды я поверила Элиасу, что эту композицию сочинил он. Даже теперь, по прошествии нескольких месяцев, его тогдашнее вранье показалось мне в равной степени глупым и остроумным.

До меня уже дошло, что песни подобраны не случайно.

№ 5. «Скиндред» – «Полный рок-бунт»

«Скиндред»! Я купила белье, потом их диск и сунула все в один пакет. Я умерла тысячу раз, когда Элиас этот пакет у меня отобрал. И да, до сих пор вспоминаю об этом с ужасом!

№ 6. «Такида» – «Уступи мне»

DVD-вечер. Мы с Элиасом лежали рядом на кровати и смотрели через окошко в крыше на ночное небо. Хмель уже выветрился, и в атмосфере мира и покоя, которая нас окружала,

я вспоминала события нашего общего прошлого. Именно в тот вечер мы выяснили, что давным-давно произошло огромное недоразумение.

Действительно, прекрасный вечер, подумала я теперь.

№ 7. «Форинер» – «Холодна как лед»

И снова я усмехнулась. На следующее утро Элиас подвез меня до дома, и эта песня была с его стороны весьма прозрачным намеком.

№ 8. *Дэмиан Марли и Нас* – «Дорога к Сиону»

Это было незадолго до кемпинга. Мы договорились встретиться с Алекс и Себастьяном в кафе, и Элиас забирал меня из дома. Пока мы ехали, в машине тихонько играла эта песня. Элиас объяснял мне, чем я ему нравлюсь, и перечислял, какие эмоции отражаются в моих «чудных» карих глазах.

Он выбирал очень красивые слова. Тогда я не очень ему верила, а теперь, оглядываясь назад, спрашивала себя: может, он говорил чистую правду?

Вспомнился мне и поцелуй. Его губы на моей щеке – впервые после стольких лет.

№ 9. «Васт» – «Пламя»

Мурашки побежали по коже. Это было неделю назад: под эту песню Элиас положил мне руку на спину и стал медленно водить рукой вдоль позвоночника. «Элиас», – сказала я, и он тут же прекратил.

Картинки из недавнего прошлого всплывали в голове, в ушах звучала песня, а невидящий взгляд блуждал по комнате. Как же часто я была с ним неласкова...

Прийти к такому заключению было не очень-то приятно.

№ 10. *Дэвид Дрейман* – «Покинутый»

Вчерашняя хэллоуинская вечеринка.

Тот момент, когда я в идиотской футболке с надписью *Bite Me* внезапно столкнулась с чертовски сексуальным вампиром.

№ 11. *Рутс Манува* – «Интерес сбросить вес»

Я долго гадала, что значит эта песня, и так и не нашла ответа. В одном я была уверена – где-то я ее уже точно слышала. Там еще такой примитивный ритм: все время повторяется «дюмди-дюмм, дюмди-дюмм, дюмди-дюмм». Да, песня, несомненно, знакомая. Но откуда? Есть подозрение, что с прошлой ночи. Вероятно, ответ – где-то между необъяснимой царапиной на лбу и загадочной шишкой на макушке.

№ 12. *Джефф Бакли* – «Аллилуйя»

Эта песня ассоциировалась у меня с вполне определенной атмосферой. С атмосферой мира и покоя, в которую мы с Элиасом погрузились, когда обнимались вчера в ванной.

Он правда провел рядом целую ночь?..

№ 13. «Без названия»

Фортепианная композиция. Я знала, что никогда не слышала ее, но почему-то меня мучило ощущение, будто она мне чем-то знакома. Начиналась она вкрадчиво, очень нежно – лишь трепетали отдельные ноты. Затем добавлялись все новые и новые звуки, которые наконец слились в единую мелодию – и унесли меня в другой мир. Музыка бурлила эмоциями, в ней таилось нечто неопределимо прекрасное, чувственное и в то же время меланхоличное. Она настраивала на мечтательный лад. Мелодия манила за собой, повелевала закрыть глаза, забыть о действительности и отправиться в странствия по неизведанным тропам. Она трогала меня, задевала самые глубокие душевные струны. Я не просто слышала музыку – я чувствовала, как она наполняет меня. До самых кончиков пальцев.

Когда композиция доиграла, я прослушала ее еще раз. И еще раз. И еще раз. И еще раз. После восьмого раза я взяла телефон.

От: Эмили

Дорогой Элиас, ты не представляешь, как я хочу сейчас тебе позвонить. Уже час слушаю твой диск и наслушаться не могу. У меня нет слов, Элиас. Я не знаю, что сказать. Как такое возможно, что ты вспомнил все эти песни? Что означает последняя композиция? Я никогда ее не слышала. Одна из твоих любимых мелодий?

Я не могу подобрать слов, Элиас. Думаю, это лучший подарок, который мне когда-либо делали. С твоей стороны это невероятно мило, и я не знаю, как тебя благодарить. Диск просто прекрасен. Идея выше всяких похвал. Могу лишь повторить то, что уже написала: у меня нет слов.

С любовью, Эмили.

P. S. Если б я знала, пришла бы к тебе блевать гораздо раньше.

Отложив телефон, я выключила ночник и свернулась клубочком с наушниками и плеером в обнимку. Я чувствовала себя легкой как перышко, и губы улыбались сами собой. Под волшебную фортепианную музыку я поплыла по волнам сна.

Глава 5

Наше первое свидание

Я проснулась от того, что кто-то настойчиво и довольно грубо тряс меня за плечо. Открывать глаза мне категорически не хотелось. Потянувшись, я попыталась не обращать внимания на тряску, но она только усилилась. Тогда я открыла глаза и увидела лицо Евы. Она удивительно напоминала рыбу: губы двигались, но до меня не доносилось ни звука.

Я решила, что мне снится забавный сон – ведь единственное, что я слышала, была волшебная фортепианная музыка.

Диск Элиаса.

Я улыбнулась. Плеер был зациклен на этой композиции, и, очевидно, под нее я и заснула. Я вновь закрыла глаза, испытывая одно-единственное желание – нырнуть обратно в мирное море сна, но Ева перечеркнула все мои планы, стащив с меня наушники.

– Эй! – возмутилась я.

– Ты опоздаешь на лекцию, – ответила она.

Лекция?

Ах да, жестокая реальность...

– Сколько времени? – спросила я, отбрасывая волосы с лица.

– Ровно семь тридцать два, моя дорогая.

Это означало, что осталось двадцать восемь минут до часа икс, когда я должна стоять под дверью аудитории. Ненавижу, когда день начинается со стресса. И еще больше ненавижу, когда день начинается со стресса, а на лице у Евы эта благодатная улыбочка, словно говорящая: «Кто рано встает, тому бог подает». Именно с такой улыбочкой она повернулась к своему рюкзаку и вскинула его на плечо.

– Мне пора. Ты проснулась? Тебя можно оставить одну?

– Да, да, – пробормотала я и нехотя села. В положении лежа искушение снова закрыть глаза было слишком велико.

Уже взявшись за ручку двери, Ева притормозила и повернулась ко мне.

– Так что же было на диске?

– Элиас записал для меня несколько песен.

Ева поморщилась.

– Какая пошлость. Ну да что с мужиков взять.

Пожала плечами и ушла.

Пошлость? Иногда я задаюсь вопросом, как Ева понимает романтику. Быть может, так: она отсасывает Николасу, а в соседнем доме горит свеча?..

Поскорее отогнав эти мысли, я схватила с тумбочки телефон. Ни одного нового сообщения. Может, Элиас еще спит? А может, просто не спешит отвечать... Нет, определенно – спит. Все прочие догадки – глупость.

Я откинула одеяло, выбралась из постели и прошлепала в ванную, чтобы привести себя в порядок. Несомненно, труднее всего этим утром будет вылезти из толстовки Элиаса. Но отправиться в ней в университет и, чего доброго, наткнуться на кого-нибудь вроде Алекс? Нет, как ни трудно расстаться с толстовкой, но альтернатива слишком пугает.

Я перекинула ремешок сумки через плечо, отключила звук на телефоне, сунула его в карман джинсов и побежала на лекцию. В аудитории, как всегда, я поднялась примерно до середины и села неподалеку от стены. Разложив маленький столик, я подняла взгляд на доску и прочитала тему: «Лирика XVIII века».

Точно не знаю, что общего у Элиаса с лирикой XVIII века, но факт остается фактом: он был главным героем лекции. По крайней мере в моей голове. Как я ни старалась, я ни на секунду не могла сосредоточиться на словах преподавателя. Перед глазами было лицо Элиаса, а в ушах звучала фортепианная мелодия. Только через двадцать минут я вернулась к реальности: телефон завибрировал. Я незаметно достала его из сумки.

От: Не брать трубку

Мне хочется тебя убить. Да, ты не ослышалась, убить. Ты еще никогда мне не звонила. А теперь я читаю, что ты, дескать, хотела позвонить, но не решилась. Почему ты так поступаешь со мной? Клянусь, я бы умер на месте, если бы среди ночи зазвонил телефон и я бы услышал твой голос.

В придачу ко всему, ты пишешь о диске такие чудесные слова. Ты даже представить себе не можешь, как я рад, что он тебе понравился. Говоришь, нет слов? Эмили, ты хочешь меня в гроб загнать? Не остановишься, пока не погубишь меня, верно? Да-да, твой замысел раскрыт, фройляйн!

От: Эмили

Ха-ха, какой же ты дурачок! Как можно с утра пораньше так бесстыдно манипулировать? Но да, диск классный. И у меня не только нет слов – у меня теперь еще и в голове все время одна и та же музыка, а виноват в этом ты.

От: Не брать трубку

Все время одна и та же музыка?

Увы, вынужден тебя разочаровать, дорогая: я вовсе не манипулирую. Что, если я зайду сейчас за тобой и мы пойдем позавтракаем?

От: Эмили

Ты хочешь сказать, я должна отступить от твердого решения никогда больше не попадаться тебе на глаза после этого ужасного вечера?

От: Не брать трубку

Что еще за решение? Оно совершенно неприемлемо!

От: Эмили

Вы сегодня блещете остроумием, герр Шварц, в этом вам не откажешь. Но даже если я принесу такую жертву и откажусь от своего решения – к сожалению, я не могу принять ваше предложение. У меня сегодня занятия в университете с утра до вечера, а поскольку конец семестра уже близок, прогуливать не стоит.

Если уж об этом зашла речь... Не пора ли тебе заглянуть в твой университет?

От: Не брать трубку

Ну да, поскольку вы только что хладнокровно мне отказали, фрау Винтер, мне ничего не остается, кроме как туда заявиться.

Что ты делаешь сегодня вечером?

От: Эмили

Пока ничего.

Если где-то вечеринка – я с большим удовольствием!

От: Не брать трубку

Ха-ха, нет, вечеринок не предвидится. Но мне хотелось бы с тобой увидеться. Единственное, что мне приходит в голову: сегодня вечером в парке, где мы с тобой несколько месяцев назад встретились во время пробежки, концерт какой-то кавер-группы. Хочешь, сходим туда?

От: Эмили

Большое спасибо, герр Шварц, самое время напомнить мне о том, как я шлепнулась перед вами на землю и вдобавок покраснела как рак. Я все это давно вытеснила из сознания.

Кавер-группа – что ж, звучит неплохо. Буду рада с тобой туда пойти.

От: Не брать трубку

Прости, Эмили, не хочу показаться тугодумом, но все-таки: ты согласилась или мне показалось?

От: Эмили

Мне самой странно, но, похоже, тебе не показалось...

От: Не брать трубку

Ну вот, теперь у меня нет слов. Это значит, что сегодня произойдет первая наша встреча, на которую ты придешь по доброй воле?

От: Эмили

Думаю, можно и так сказать.

От: Не брать трубку

Знаешь ли ты, как я счастлив это слышать? Я заеду за тобой в 9, если тебя устроит.

От: Эмили

9 – это отлично. Гораздо хуже, что я сижу и краснею из-за тебя.

От: Не брать трубку

Я строго-настрого запрещаю тебе краснеть в мое отсутствие. Когда ты краснеешь, я хочу быть рядом. Не могла бы ты повременить с этим до нашей встречи?

Дорогая Эмили, я надеюсь, ты поймешь: сейчас мне придется выключить телефон. Мне очень жаль, но я должен принять все меры, чтобы ты уже не могла отказаться.

От: Эмили

Ты дурак, Элиас.

От: Не брать трубку

Знаешь, что я думаю? Ты даже не представляешь себе, какая ты милая.

Итак, до вечера, солнышко.

Я скучаю.

Я с улыбкой глядела на экран и раз за разом перечитывала последнее предложение. «Я скучаю».

У меня потеплело на сердце, а в животе защекотало. Сколько же еще ждать до вечера! Я вздохнула, убрала телефон и вновь попыталась сосредоточиться на лекции.

* * *

Минуты тянулись мучительно долго и казались часами. Утро – словно чистилище, день – словно ад. Стрелки часов ну никак не хотели двигаться. Порой меня так и подмывало вскочить и подтолкнуть их рукой – ведь они, похоже, застыли навсегда.

У меня было ощущение, что с утра прошла не одна неделя. На последние лекции я забила и пошла домой. По счастью, там никого не оказалось. Большую часть времени я металась по комнате, налетала на все углы и постоянно что-то роняла. Из моего честного намерения немного позаниматься перед встречей с Элиасом не вышло ровным счетом ничего. Что же будет сегодня вечером?

От одной мысли, что сегодня вообще что-то будет, у меня потели ладони.

Интересно, как там Лука? В последнем письме, которое пришло почти неделю назад, он жаловался, что совсем закрутился. Но чем больше проходило времени, тем сильнее меня удивляло его молчание. Позавчера я отправила ему письмо:

Привет, Лука!

Я прекрасно понимаю, что у тебя много дел и на переписку не хватает времени. Но постепенно я начинаю тревожиться всерьез.

Если у тебя будет пять свободных минуток, напиши мне хотя бы, что у тебя все в порядке. Не нужно ничего объяснять, я просто хочу знать, что с тобой все хорошо.

*Всего доброго,
Эмили.*

Ответа до сих пор не было.

А обычно он всегда отвечал...

Я волновалась. День ото дня все больше. Не только потому, что на этой неделе мы почти не общались, но еще и потому, что мне не давали покоя угрызения совести. Казалось бы, мы не давали друг другу никаких обещаний и даже ни разу не встречались в реальной жизни – но я чувствовала, что виновата перед ним, скрывая правду. Я вела себя нечестно. Я должна была сказать ему, что влюбилась. Я должна была сказать ему, что влюбилась в Элиаса.

Но как это сделать, если Лука не подает признаков жизни? Послать еще одно письмо? Он и на предыдущее-то не ответил. Я не хотела действовать ему на нервы. Если он действительно совсем закрутился, как следовало из его писем, время явно неподходящее. Новость, что я отдала свое сердце другому, не следует сообщать между делом. Для этого требуется спокойная обстановка.

Испытывая противоречивые чувства, я снова захлопнула ноутбук и решила подождать еще пару дней. А там посмотрим. При необходимости я еще раз попытаюсь с ним связаться.

И тут передо мной возникла новая проблема: до прихода Элиаса осталось всего сорок пять минут.

Я бросилась к шкафу и распахнула дверцы. Честно говоря, я не любительница долго выбирать наряды, и, порывшись в шкафу минут десять, я решила, что сегодня не время менять привычки. Зачем? Элиас знает мою манеру одеваться. И никогда ее не критиковал. Чем дольше я об этом думала, тем очевиднее мне становилось, что он вообще никогда меня не критиковал. Ни за вспыльчивость, ни за механизмы самозащиты (со всеми вытекающими последствиями), ни за отказы, ни за тотальное недоверие к окружающим – ни разу в жизни он ни за что меня не упрекнул. Элиас принимал меня такой, какая я есть.

Я невольно заулыбалась. С улыбкой я достала из шкафа темно-синие джинсы и мышино-серый свитер с воротником-стойкой, мягкий, как кашемир. Мой любимый свитер. То что нужно для не слишком холодного ноябрьского вечера.

И джинсы, и свитер я взяла с собой в ванную, залезла под душ, а потом переоделась. Волосы оставила распущенными.

Вернувшись в комнату, я плюхнулась на кровать. Огляделась и снова вскочила. Рванулась налево, направо – и снова села. Бросила взгляд на часы. Еще пятнадцать минут. Я опять вскочила. Что еще может мне сегодня понадобиться? Да вроде ничего. Я опять села на кровать. Точно ничего?

Так продолжалось битых десять минут. Ладони у меня взмокли, и сколько я ни вытирала их о джинсы, высыхать они не хотели. Посмотрев на ноги (я как раз тревожно потерла одной ногой другую), я вдруг сообразила, что не обута. Я вскочила в тридцатый раз. И как раз в тот момент, когда я стояла под дверью и надевала кроссовки, в нее постучали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.